

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

Змееловов
больше нет

Дарья Кузнецова

Змееловов больше нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72253747

SelfPub; 2025

Аннотация

Великий Змеелов мертв, орден повержен, мир оправляется от безумия гражданской войны. Наступившая зима заботливо укрывает землю снегом, пряча кровь и пепел, знаменуя начало новой жизни.

Новую жизнь пытается начать и Норика Неро, старший офицер ордена, которую месть и ненависть к бывшим учителям привела на сторону их врага. Молодой король предложил ей возглавить школу, где получат приют выжившие змееныши.

Норика мечтает найти успокоение в помощи детям, которых когда-то спасла. Но, может быть, эта зима не только избавит от кошмаров, но принесет что-то еще? Счастье, на которое уже не смела надеяться. И любовь, которая, казалось, давно умерла.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	38
Глава 3	80
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дарья Кузнецова

Змееловов больше нет

Пролог

Над площадью плыл навязчивый, густой запах гари и пахленной плоти. Он стелился в неподвижном, стылом воздухе даже теперь, когда костры уже прогорели и тянулись вверх серыми тонкими дымками. С неба падал тяжелый редкий снег, похожий на хлопья пепла. Слякоть оттепели, разогнавшая по домам самых упорных зевак, не несла свежести и не скрадывала запах, а даже как будто усиливала. Словно змеиная сырость радовалась недавней казни.

Я хорошо ее понимала. С самого начала простояла в первом ряду, прямо за оцеплением. Слушала улюлюканье толпы, ругань и проклятья, которыми щедро осыпали друг друга приговоренные и зеваки, а потом – недолго – крики боли с помоста. Сквозь дым смотрела, как корчатся в огне знакомые лица, стараясь запечатлеть в памяти каждое мгновение. И в груди ширилось, росло чувство громадного облегчения. Словно там, у закопченных каменных столбов, очистительное пламя съедало не только горстку недавно очень важных людей, но все мои сомнения, страхи, тяжелые мысли и само

прошное.

Старого коршуна больше нет, подумать только. Нет его, нет правой и левой руки, нет многих, очень многих чудовищ, которые давно не вызывали у меня никаких чувств, кроме омерзения, а у разошедшихся зевак – страха и ненависти. Сейчас я жалела только об одном: что нет возможности повторить казнь, еще раз остро и пронзительно ощутить полученную свободу. Не мной полученную – нашим многострадальным миром.

Король был абсолютно прав. Смерть на костре – лучший финал для этих мразей, другого они не заслужили. Нельзя марать о подобных благородную сталь, нельзя осквернять их кровью городскую брусчатку. Только огонь; они ведь так его любили...

– Госпожа змеелов! – вывел меня из оцепенения звонкий голос.

Это был совсем еще мальчишка – тонкий, восторженный. Форма королевской стражи почти висела на щуплых плечах, но эту неловкость компенсировал горящий гордостью взгляд. Наверное, всего пара дней как приняли, пока доверяют только дела «подай-принеси», но мальчишеского счастья это не умаляет.

– Госпожа змеелов! – окликнул он меня снова, протянул руку, но коснуться плеча не решился.

– Змееловов больше нет. – Голос прозвучал резко и сипло, и страж растерялся, явно с трудом поборол порыв отпря-

нуть. – Что случилось? – откашлявшись, добавила я уже мягче.

– За вами послали, его величество желает видеть, – ответил мальчишка с трепетом в голосе.

Короля в страже не просто любили – его боготворили. Да и в народе пока тоже, что не могло не радовать.

Я кивнула и двинулась вслед за гонцом через площадь к дворцу, отделенному узкой полосой почерневшего парка, укутанного мокрым и грязным снежным одеялом. Начало зимы здесь, в Релке, всегда до отвращения сырое и промозглое, а вот к середине погода разгуляется, и станет чище.

На этом унылом фоне дворец казался особенно нарядным. Огромное, величественное многоярусное строение, серебристо-серое под алыми крутыми скатами бесчисленных крыш, напоминающих крылья бабочки-огневки. Его так и называли при постройке – «Тысяча Бабочек».

В последние десятилетия за резиденцией закрепилось другое имя – «Огненный Кулак», на который здание тоже походило. На огромную боевую перчатку, шипы которой щедро залиты кровью или увенчаны застывшим пламенем. Но сейчас верилось, что бабочки вернутся.

В конце концов, змееловов действительно больше нет. И, наверное, что-то должно измениться к лучшему!

Глава 1

Солнце за облаками

Внутри дворец походил на пещеру – гулкую, серую, сырую. Казалось бы, сырость и пещеры – это вотчина Долгой Змеи, а тем, кто прославляет Создателя, больше по статусу сухой теплый воздух. Но сюда, подкрытие каменных стен, словно пробралась поздняя осень и осталась навсегда.

Говорят, раньше, до того как это место облюбовал Великий Змеелов, под крышей Тысячи Бабочек было иначе. Звучал смех, пестрели яркие наряды, спешили слуги, в цветных витражах множились солнечные блики. Потом витражи выцвели, пожухли обои, и даже круглый год пляшущий в бесчисленных зевах каминов огонь не мог справиться с сыростью, а слуги – с пылью и плесенью, затянувшими стены. Слово здание по воле Змеи как могло мстило старику, страдающему артритом и ревматизмом.

Сейчас дворец как будто замер в напряженном ожидании. Принюхивался черными дырами каминов, прислушивался потемневшими полотнищами стен. Ждал. Он тоже пока еще не верил в перемены, он привык к сырости и холоду.

Однако жизнь внутри продолжалась. С парадной лестницы уже сняли темно-красный, цвета запекшейся крови ко-

вер, и пара хмурых мужчин драила серые ступени. Сквозь тлен и плесень проступал белый мрамор. Надолго ли? Змееловы пытались бороться с этой дрянью, но всех усилий хватало на пару дней. А потом перестали, плюнули и предпочитали не замечать кислого запаха гнили, пропитавшего дворец.

В галерее на втором этаже гулял ветер. И хотя на улице вроде бы царила не меньшая сырость, внутри от запаха мокрого снега становилось свежее и... чище. Распахнутые витражи тоже пытались отмыть, и тоже, как и на лестнице, это пока удавалось.

Королевские слуги старательно будили дворец, и я искренне надеялась, что у них получится. Было бы хорошо взглянуть на него потом – такой, каким его изображали в старых книгах. Живой, цветной, дышащий.

Под свой кабинет его величество временно определил комнату, которую раньше занимал дворцовый распорядитель – тогда, когда эта должность еще существовала.

А помещения, которые полагались монарху по статусу... Когда Змееловы обосновались во дворце, их предводитель занял королевские покои. И они пустовали с тех пор, как там похозяйничала стража, прощупав каждый сантиметр стен и изучив каждый обрывок бумаги. Я хорошо понимала его величество, брезгавшего жить там, где все пропахло старым коршуном.

По обе стороны от двери стояли личные стражи короля.

Ладные, невысокие мужчины в черном с неприметными лицами. От них потянуло стужей, когда они прожгли меня пристальными взглядами. Орден Отрицающих. Жуткие типы: они полностью амагичны, рядом с ними перестают действовать любые чары, причем только по их желанию. Корона издавна использовала Отрицающих для охоты на самых сильных и опасных магов. Великий Змеелов тоже пытался перетянуть их на свою сторону, но орден отказался, храня верность первой присяге. И им за это ничего не было: с Отрицающими даже старый коршун не рискнул ссориться.

– Светлого вечера, ваше величество, – поклонилась я, войдя в кабинет. Приемной тут не предполагалось, поэтому стол для секретаря приткнули в углу у двери. – Вы желали меня видеть?

– Здравствуй, Норика. – Король устало улыбнулся из-за бумаг. – Да, проходи, садись. Я... ничего не нарушил?

– Нет, я увидела все, что хотела, благодарю. Они... хорошо горели. – Улыбка механически, против воли растянула губы, и его величество смущенно кашлянул в ответ.

Иногда кажется, что он считает меня сумасшедшей. Порой не вызывает сомнений, что это действительно так.

– Хорошо. Я хотел поговорить с тобой о будущем. Ты не задумывалась, чем заняться дальше?

– Имеете в виду, кроме поисков? – уточнила я. – Нет, не думала.

– Я так и предполагал и позволю себе кое-что предло-

жить. Ты согласна выслушать? – спросил, кажется, с искренним беспокойством. Когда я кивнула, заговорил чуть более оживленно: – Позволь, я найду несколько издалека, чтобы описать всю картину. Как ты знаешь, змееловы очень старательно работали над общественным мнением, пытаясь привить повсеместную ненависть к змеям. Много у них получилось, и, несмотря на то, что народ устал от междоусобицы и поддержал уничтожение ордена, отношение... напряженное. Создатель знает сколько пройдет времени, прежде чем удастся навести порядок. Но ненависть к змеям – это только одна из проблем. Вторая состоит в том, что очень многие знания оказались утрачены или по меньшей мере забыты. Магия змеев – другая, и если на уровне самоконтроля и управления силой все одинаково, то тонкостей люди не знают. При этом сами змеи никуда не делись. Юные и необученные.

– Ваше величество, вы зашли слишком издалека. Может, ближе к сути? – не выдержала я.

– Да, прости, – немного смутился он. – Если сразу к главному, то речь идет о школе. Такой, где могли бы учиться одновременно и дети, и змееныши. Как было раньше. Пока, впрочем, почти одни змеи, сироты или беспризорники... В общем, я бы хотел попросить тебя возглавить эту школу, ты неплохо управляешься с молодежью.

– Ваше величество, я управлялась с орденскими курсантами, это ведь почти армия! К тому же я плохой организа-

тор...

– Как раз то, что надо, – уверенно отмахнулся король. – Хороший хозяйственник там будет, от тебя нужны общее руководство, безопасность, дисциплина. Устав, простые и понятные для всех правила – это лучшее начало для таких детей. Они не привыкли к нежностям и просто не поверят, если обращаться с ними как-то иначе. А здесь все легко и понятно: что запрещено, что разрешено, и все абсолютно одинаково для всех. Кроме того, там будут и... твои.

Орлен бил наверняка, последним уточнением он купил меня с потрохами.

Под «моими» подразумевались змееныши, которых я прятала от собратьев по ордену. Собственно, именно с одного из таких подростков начался мой путь туда, где я сейчас находилась: я не исполнила приказ, просто не смогла. Не убила, скрыла это от Великого Змеелова, постаралась спрятать того мальчишку. Их было много потом, этих детей. Для меня – много, в масштабах мира – капля... Но закономерным итогом того маленького протеста стал большой бунт. Жалость к змеенышам вылилась в предательство ордена. Тайная поддержка короля, шпионаж в его пользу и, наконец, почти без боя сданный дворец вместе с Великим Змееловом и его ближайшими соратниками.

– И чему я смогу научить их, ваше величество? – все же постаралась я мыслить здраво. – Я тоже человек и тоже ничего не знаю об их магии.

– Змеи не сгинули совсем, бесследно. Некоторое их количество сумело... найти укрытие, – огорошил меня король. – Они согласились помочь и прислать нескольких учителей.

– Как вы их уговорили? – вырвалось у меня.

– Это в их интересах, они тоже хотят вернуться домой, к нормальной жизни. Для переговоров в Релку прибудет целая делегация, а эта школа – наш первый шаг друг другу навстречу.

– Но я же должна буду находиться там постоянно и не смогу...

– Я сделаю все возможное, – серьезно, веско ответил Орлен. – Если есть шанс его найти, если он до сих пор жив – я его найду и приведу к тебе, сразу. Без подвоха и шантажа. Слово короля.

– Спасибо, – только и сумела выдавить я. Глубоко вздохнула, будто собираясь нырнуть в холодную воду, и попыталась улыбнуться. – Тогда у меня нет никаких причин отказываться. Готова служить моему королю и дальше. А где, кстати, разместится школа?

– Поместье Стрелолист, – не сдержал веселой, мальчишеской улыбки его величество. – То самое.

– Это символично, – у меня вырвался нервный смешок. – А...

– Там как раз закончили уборку, вывезли лишнее и вот-вот должны приготовить все для детей. А еще там хорошая охранка. Я очень надеюсь, что она не пригодится и никто не

попытается навредить детям, но подстраховаться нелишне. Ты же, насколько помню, хорошо знаешь сторожевые чары змееловов?

– Разберусь, – отмахнулась оптимистично. – Я правильно понимаю, что отбыть на место стоит как можно скорее?

– У тебя есть пара дней на сборы и подготовку, пока закончат с ремонтом. Можно прибыть и раньше, но это будет неудобно всем – и тебе, и тем, кто сейчас там работает. Держи. – Он придвинул по столу пухлую папку и пояснил: – Это все материалы, какие мы смогли подготовить. Полный довоенный учебный план, конечно, не отыскали, но... Это все, что есть. Разумеется, только скелет, вы вольны менять его так, как считаете нужным, – ты, остальные учителя. Вас пока будет пятеро, трое – змеи. Учеников пока двадцать шесть, возраст и состояние разное. Большинство – с недавно проснувшимся даром, змееловы не успели с ними разобраться. Тех, кого забрали из семей, мы попытаемся вернуть, а эти приютские, возвращаться им некуда. Главное, они почти ничего не знают о своей силе, хотя кое-кто инстинктивно научился маскировке. Материалы по детям уже в поместье, туда же должны прибыть твои коллеги и остальные служащие. Все – проверенные и надежные. Поезжай, Норика. Тебе это тоже будет на пользу. Там теплее и в это время года гораздо уютнее.

– Благодарю, ваше величество. Постараюсь... оправдать доверие, – ответила я и поднялась.

По привычке щелкнула каблуками, коротко поклонилась и вышла, зажимая под мышкой пухлую папку. Стрелолист находится на юго-восточном побережье. Телепортом быстро, а вот червем добираться туда как раз почти двое суток. Собраться успею за полчаса, оставаться дольше в столице – нет смысла, вот и ознакомлюсь с документами по дороге. Если смогу сосредоточиться.

Это поместье прежде принадлежало Великому Змеелову. Тогда, когда он еще не примерил на себя это звание и роль вершителя судеб, а звался Яребом Вориком, был талантливым алхимиком и носил баронский титул. Родовое гнездо. Потом оно номинально считалось собственностью ордена, хотя, конечно, посторонних туда не пускали. Только хозяин изредка приезжал отдохнуть от столичной суеты и погреть старые кости.

Понимание, что именно там будут учиться змееныши, поднимало настроение почти так же, как сама смерть Великого Змеелова.

Нет, не змееныши – дети, школа же смешанная. Ведь раньше именно так собирательно называли всех, независимо от расы. На «змеенышей» никто не обижался, конечно, но обычно под словами «дети» и «люди» подразумевались обе расы. Никому просто в голову не приходило искать в этом оскорбление. Никому – до основания ордена Змееловов.

Пока я шла через дворец к выходу, поняла, что с намерением выехать прямо сейчас поспешила. Это же не на

несколько дней рабочая поездка, а надолго, легче считать – навсегда. Недалеко от поместья есть небольшой приморский городишко – не то Столбы, не то Столы, – поэтому с покупкой чего-то важного и неотложного проблем быть не должно, но это уже на крайний случай. Лучше бы сразу собраться основательно.

В первую очередь, конечно, купить одежду. У меня ведь почти ничего нет, кроме формы змееловов. До сих пор это не доставляло неудобств, потому что сначала я носила ее по праву и долгу службы, а последнюю пару дней было вообще не до бытовых мелочей. Что там одежда – я даже не могла вспомнить, когда и что последний раз ела! А вот сейчас, шагая через площадь и ловя на себе напряженные, испуганные, подобострастные, а порой и ненавидящие взгляды, вдруг осознала простую истину: очень плохая идея – являться в форме мертвого ордена в школу, где предстоит учить юных змеенышей. Не нужно мозолить им глаза лишним напоминанием о пережитых ужасах.

На улицах столицы ощущалось настороженное ожидание. Опасения, сомнение, тревога. Мир изменился, жизнь изменилась, но люди пока боялись в это поверить. А некоторые, может, и не хотели – из тех, кому при Великом Змеелове жилось привольно и сладко. Их наверняка терзал страх скорой расправы. Впрочем, если они неглупы, то уже успели убраться подальше от столицы.

Снег кончился, а когда я дошла до конца площади, через

небольшую прореху в тучах неожиданно проглянуло солнце. Вызолотило серый камень, заиграло бликами в ледяной каше под ногами и на клочьях снега на подоконниках и ветках деревьев, раскрасило теплыми тонами бледные, осунувшиеся лица прохожих.

На короткое мгновение появилось чувство, будто я вынырнула из смрадного болота. Густая чавкающая зелень вдруг расступилась и выплюнула вверх. Легкие до боли расширились, наполняясь воздухом, и накатило шальное, огромное, повергающее в смятение своей остротой чувство: я жива. Жива! Сожри меня Долгая Змея, я все еще хожу, говорю, и время мое еще не закончилось! И мысли о том, что в этой жизни ничего не осталось, не стоят пыли под ногами, потому что главное – вот оно. Я жива, я чувствую, я дышу, а все прочее – мелочи.

Солнце скрылось, улицы Релки опять окутали серый сумрак и белая пелена снега. Но идти было по-прежнему легко, словно оставленный за спиной дворец Тысячи Бабочек забрал часть тяжести с моих плеч, впитал, укрепив ею свой фундамент и стены.

Странная ассоциация.

В любом случае в сторону каморки, которую снимала в одном из домов соседнего квартала, я двинулась с воодушевлением, которое впервые за долгое время породила не жажда мести.

Ордену Змееловов, помимо занятого ими дворца, принад-

лежало несколько особняков и доходных домов в городе, поэтому большинство моих бывших... коллег не задумывалось о вопросах жилья. В своем прежнем статусе я могла претендовать даже на покои во дворце, но постоянное общество змееловов угнетало, и съемное жилье оказалось лучшим выходом из положения. Тепло, сухо, есть горячая вода и теплая постель – а больше ничего и не нужно.

О расставании с этим временным прибежищем я не жалела. Не стану скучать и о Релке, мне всю жизнь претили тесные лабиринты ее улиц и наклепленные друг на друга дома старого города. В предместьях просторнее, но когда я в них бывала! За последние годы ни разу не выбиралась из столицы, вся жизнь – от каморки до орденской учебки и обратно, если не считать регулярных визитов в резиденцию ордена.

Я вообще сейчас ни о чем не жалела и чувствовала себя удивительно свободной. Странное, наверняка временное ощущение. Но сейчас я слышала, как рвутся цепи, казалось намертво сковавшие меня с Релкой, и – наслаждалась.

Сво-бо-да. Сложное слово. Пугает с непривычки.

Истинная причина, по которой король постарался скорее меня спровадить под благовидным предлогом, тоже не задевала. Больше того, вызывала одобрение.

Орлен – умный правитель. Ему еще нет тридцати, но он уже дальновиден, умеренно циничен и лишен наивных идеалов. Да, моя помощь, мое предательство оказались кстати, и его величество благодарен за это. Но никто не станет че-

ствовать предателя как героя, я сыграла свою роль и больше не нужна. Даже почти опасна, потому что могу послужить клином между ним и настоящими, идейными соратниками. Для них я – недобиток, тот самый предавший однажды, который обязательно предаст вновь. Так зачем мозолить глаза, рисковать и провоцировать на решительные поступки тех, кто перерезал всю верхушку змееловов? И ради чего?

Нет, король выбрал лучший из возможных вариантов, я была готова искренне его поблагодарить. Это ведь даже не ссылка, а действительно важное, ответственное поручение, которое пойдет на пользу всем сторонам. Изящное и остроумное решение сразу нескольких проблем – и моих, и лично королевских, и государственных.

Да и оплатили мне эту работу более чем достойно, и речь не о деньгах. Королевское слово стоит гораздо дороже, и возможностей у него куда больше, чем было у меня даже в лучшие дни на взлете карьеры в ордене. Поэтому стоит оставить поиски профессионалам, а самой исполнить вассальный долг.

Съемная комната встретила сухой тишиной, легким запахом пыли и сумраком старой норы. Я пустила искру силы в хрустальную сферу светильника под потолком, и по стенам и полу расплескался теплый уютный свет. Несложная и повсеместно распространенная штука – запертый в стекле огонь. Но я способна лишь пробудить его импульсом магии, как любой другой обыватель, а создают подобные вещи ар-

тефакторы.

Пыльный чемодан выполз из-под кровати неохотно, словно за время покоя успел прорасти в доски пола или уж как минимум – присох. Окинув его взглядом, я решительно распахнула треугольное окно, впустила в комнату ветер и задала ему направление. Сквозняк пронзительно просвистел в петлях и замках чемодана и вынес грязную серую тучку на улицу, заодно прихватив пыль из-под кровати и шкафа.

Змеелову в звании ястреба, боевому магу немного стыдно в этом признаваться, но такие мелкие бытовые заклинания всегда меня особенно очаровывали. В них куда больше волшебства, чем в стелющемся по земле ревущем пламени или других, даже самых грозных, боевых чарах. Святотатство, но, кажется мне, Создатель на заре времен наводил порядок в юном мире именно такими вот бытовыми чарами, потому что жизнь в любом новом доме начинается с уборки строительного мусора.

На дно чемодана легла завернутая в лоскут пара коротких мечей в ножнах – парадная часть формы, традиция, дань которой я последний раз отдавала пару лет назад. Тоже напоминание о змееловах, но бросать их было жаль, уж очень хороша работа кузнеца, поэтому решила оставить как сувенир. Сменная обувь, теплый плащ, несколько сорочек, пара старых, невесть откуда взявшихся платьев – я даже сомневалась, что влезу в них, но мерить все равно не стала. Несколько книг и потертых тетрадей, а больше у меня ничего не бы-

ло.

На вешалках в скрипучем дощатом шкафу осталось несколько комплектов ржавой, с золотым шитьем формы – такой же, какая была сейчас на мне. Высокие сапоги, черные узкие штаны с галуном вдоль внешних швов и китель с вышитым на груди и спине ястребом, держащим в когтях змею.

Несколько секунд я смотрела на эти вещи, а потом без сожалений сорвала с вешалок, свалила кучей на пол и отправила в груды одежды сгусток пламени. Подумав, стащила китель с себя и добавила его к небольшому костру. Пожара не боялась: не просто так ведь я считалась одним из лучших боевых магов ордена – что-то умела, поэтому огонь никогда не вырвется за отведенные ему границы.

Все еще гуляющий по комнате сквозняк приятно охлаждал спину сквозь тонкую ткань блузки и клубами выталкивал на улицу густой дым. Стало еще немного легче.

Такими темпами я, глядишь, доберусь до Стрелолиста уже совсем другим человеком.

Когда огонь догорел, все, с чем он не справился – золу и оплавившиеся куски металла, – я аккуратно собрала в мусорное ведро.

Подумав, перед выходом все-таки вынула из чемодана длинный, подбитый мехом плащ и накинула на плечи. Холод огненному магу не страшен, но штаны у меня есть только форменные, а так их проще всего спрятать. Они, конечно, не настолько бросаются в глаза, как китель, но зачем рисковать?

А вот менять сапоги я не собиралась. Привычные, отличного качества, без опознавательных знаков – какой смысл искать замену?

Поход по магазинам занял неожиданно много времени, несмотря на скромный список необходимого. Я не приняла в расчет, что уже давно не занималась покупками, довольствуясь тем, что давал орден, и плохо представляла, где можно достать все нужные вещи. Пришлось поискать лавки, да и там я долго не могла определиться: а что вообще хочу?

Наверное, провозилась бы и дольше, но в третьем по счету месте меня взяла в оборот бойкая особа с хитрым лисьим взглядом, которая ответила на этот вопрос и на десяток других, которые я сама и не сообразила бы задать. Расстались мы вполне довольные друг другом: я – с ворохом новых вещей, девушка – с хорошей выручкой.

Между делом успела завернуть на городской вокзал, ознакомиться с расписанием и взять билет на ночного червя как раз до нужного города, который все-таки оказался Столбами.

В итоге с окончания сборов до момента посадки у меня оставалось почти три часа, которые я решила провести на вокзале. Перекусила в местном кафе, весьма недурном, и устроилась в зале ожидания на неожиданно удобной жесткой деревянной скамье со спинкой, развернув газету. Букв, правда, не видела, отрешенно наблюдая поверх листа за вокзальной суетой.

Жизнь продолжалась. Здесь, где сходятся разные дороги,

это ощущалось особенно отчетливо. Несмотря на броские заголовки газет, несмотря на катящиеся по стране перемены, люди продолжали куда-то спешить. Шумно радовались встрече, со слезами расставались, тараторили напутствия, суетливо озирались и порой даже пробежали мимо, пыхтя под грузом вещей. Под гулким куполом просторного зала звучный голос – низкий женский или высокий мужской – объявлял об отправлении, прибытии, изменениях в расписании.

Оглашая пространство хлопаньем крыльев, от стены к стене перелетала стая вокзальных серо-зеленых голубей – бесплатные посыльные, которых даже кормить не приходилось, пищу они добывали себе сами. Особая порода, они чувствительны к магии и питаются отчасти ее обрывками. При необходимости можно было подзвать птицу легким магическим импульсом, доступным любому взрослому человеку, и отправить с письмом куда-нибудь недалеко, в черте города. Например, попросить прислать забытые документы или еще какую мелочь.

В метре от меня прошествовало степенное семейство – солидный отец, круглая мать с задранной носом и трое детей. Две хорошеньких девочки постарше и серьезный мальчик лет десяти. Я проводила его взглядом, привычно пытаюсь угадать – кем он окажется через пару лет, когда с взрослением придет сила? Человек это или змееныш?

Мальчишка, кажется, ощутил слишком пристальный взгляд. Обернулся. Издалека почудилось, что глаза блесну-

ли желтым, но я отвернулась и не стала дольше нервировать ребенка. Даже если я угадала, у него есть время, чтобы король успел навести относительный порядок. Надеюсь, через пару лет, даже если мальчик окажется змеенышем, над ним не нависнет угроза смерти, от него не станут шарахаться как от чумного бывшие друзья или даже родные.

Змеев всегда рождалось немного меньше, где-то два к трем в пропорции к людям. Как с этим обстояло сейчас, я не знала. Великий Змеелов каждый раз твердил, что гадов все меньше, что скоро удастся вытравить скверну, гнилое семя из человеческого рода. Но я давно перестала ему верить, а взять точные цифры было негде, никто не вел подсчетов.

Понять, змей или человек вырастет из ребенка, невозможно: один корень, одна кровь. Только боги, сообща творившие мир и его обитателей, знают, почему кто-то так и остается ходить на двух ногах и ведаёт огнем и ветром, а кто-то – обретает второй облик и управляется с землей и водой. Так было всегда, так остается поныне, несмотря на то что змееловы потратили уйму сил и времени на эксперименты и поиски ответов, пытаясь найти способ выявления змеенышей еще в зародыше или вовсе – научиться предотвращать их появление.

Подробностей я не знала и никогда не интересовалась ходом экспериментов. Только малодушно радовалась, что я боевой маг, а не ученый, и не имела касательства к этим исследованиям: слишком хорошо знала методы и жестокость ор-

дена. И с облегчением принимала отсутствие каких-то значимых подвижек, о которых непременно объявили бы всем.

Наверное, не просто так старый коршун столь высоко ставил это исследование, потому что именно его неудача в конечном итоге уничтожила почти четверть века царствования Великого Змеелова. Можно бояться змеев издалека, можно ненавидеть, можно кидать камни в пойманных «гадов»: человечье стадо жестоко. Но далеко не каждый сумеет отдать своего ребенка палачам. Даже не младенца – уже почти взрослого сына или дочь. Может быть, единственное дитя. И чаша терпения переполнилась.

Сейчас, оглядываясь назад и вспоминая истоки этого безумия, этой самоубийственной слепой резни, многие задавали себе вопрос: как такое получилось? Почему братья, сестры, родители и дети вдруг стали чужими друг другу? Всеобщее умопомрачение, массовая истерия – иначе не скажешь.

Все началось со страшного мора. Зеленая гниль выползла из Чумных болот – мертвых земель далеко на западе, вблизи которых селились неохотнее всего и только самые отчаявшиеся, пропащие.

За считанные дни эпидемия докатилась до столицы. Оборвались порталные связи с соседними мирами, мы оказались заперты наедине со страшной, мучительной смертью. С болезнью, сжиравшей людей за несколько дней. Змеев зеленая гниль по какой-то причине щадила, а их целительная

магия не могла помочь умирающим, лишь немного облегчала муки.

И вот тогда появились змееловы – на волне ужаса перед смертью, на волне зависти к тем, кому не грозила болезнь. Они обвинили во всем Долгую Змею и ее детей, и семена эти упали в благодатную почву, щедро удобренную смрадными трупами жертв мора. И заживо гниющий мир щедро умылся кровью.

В связи с этим закрытые порталы оказались даже благом. Пожелай кто-то захватить нас, и противиться было бы некому, а вот люди, готовые предать родину ради шанса на безопасность в другом мире, нашлись бы в изобилии. Открыли бы, впустили, да еще и помогли.

Сейчас, с высоты прожитых лет и через призму полученных знаний, я воспринимала подростковые воспоминания о том перевороте совершенно иначе. Тогда было просто страшно, и змееловы, с их хорошими речами и добротой к *человеческим* детям, казались посланниками Спасителя, поэтому в орден я вступила не раздумывая. А теперь – с трудом верила, что Великий Змеелов не приложил руку к тому мору. Нет, это было бы слишком даже для старого коршуна, и на допросе он пел о другом, но все же... Все же поверить в подобное куда проще, чем в совпадение и тот бред, который нес старик.

Но если вдруг вскрыется причастность ордена к эпидемии и открытие это станет достоянием общественности, мне

останется забиться в какую-нибудь глухую нору и молить богов о легкой смерти. Потому что гражданскую войну рядовым змееловам еще могут простить, а вот если они приложили руку к мору...

Из размышлений меня вырвал бой вокзальных часов, провозгласивших полночь, и почти сразу после них глас с потолка объявил о начале посадки на мой рейс.

В просторной двухместной каюте предстояло провести чуть больше полутора суток. Неприятный серо-зеленый цвет шершавых, чуть теплых и как будто постоянно влажных на ощупь стен в первом классе закрывали плотные гобеленовые драпировки – ненавязчиво-однотонные, темно-золотистые. Две широкие койки через проход, занятый полированным деревянным столом теплого, красновато-коричневого оттенка, наверху – две багажных полки и белая полусфера светильника в середине потолка.

Я подняла край клетчатого пледа, застилавшего мою койку, с удовольствием оценила хрустящую белизну чистого белья. Заметила висящий сбоку от двери большой пушистый халат.

Прекрасные маленькие радости жизни. Неприхотливая в быту, путешествовать я в последние годы предпочитала с комфортом, довольно уже натирать мозоли седлами. Это в молодости можно было себе позволить, а сейчас я предпочитала никуда не спешить, а если спешить – то только телепортом. Не говоря уже о том, что в комфортабельной каюте

гораздо удобнее знакомиться с бумагами.

Вспомнив про них, я достала из чемодана папку и приподнялась на носочках, чтобы затолкать его на верхнюю полку.

– Ух, как мне с соседкой повезло! Хороша! – Одобрительный комментарий сопровождал звучный шлепок по заднице. По моей.

Я настолько оторопела, что в первый момент не отреагировала вовсе. Не то что оплеухой не ответила, даже молнией не ударила, что обычно происходило рефлекторно. Потом резко развернулась на каблуках... и порадовалась собственной заторможенности. Ведь убила бы дурака!

На соседней койке, весело болтая ногами, сидел маленький, сухонький старичок. Он, наверное, и в юности статью не отличался, а сейчас вовсе был мне в лучшем случае по плечо.

– Хороша! – повторил он, восхищенно прицокнув языком и глядя снизу вверх хитрющими, ясными глазами без малейшего признака старческого слабоумия. Сосед задорно улыбался и азартно потирал ладони. – Ну что, будем знакомиться?

– Скажите, вы желаете сойти с этого червя живым? – ровно спросила его.

– Ух, грозная какая! А ты не смотри, что я старенький, я, может, еще о-го-го!

– Я боевой маг, – продолжила тем же тоном, хмуро глядя на попутчика. Того, правда, совсем не понимал тяжелый

взгляд, отработанный на курсантах и младших членах орден. — Я сначала бью, потом разговариваю. Чудо, что сдержалась сейчас!

— Ух! Говорю же, хороша! Люблю женщин в форме! — мечтательно зажмурился он и даже звонко причмокнул. — А так, может, и не худший конец для старика — от руки красотки, а?

Попутчик рассмеялся своей шутке, а я лишь пожала плечами, села на койку и начала стаскивать сапоги. В любом случае он предупрежден и совесть моя чиста. А если желает сунуть голову Змее в пасть — кто ему запретит! Видимо, пожил достаточно и терять ему нечего.

Не получив ответа, старичок не расстроился и бодро затрепал обо всем на свете. Я мрачно спросила себя, почему не взяла одноместную каюту, и тут же ответила: на этом рейсе таких попросту не было. А добираться с пересадкой или ждать еще почти сутки совершенно не хотелось.

Сбросив сапоги на пол, я устроилась на койке с ногами и погрузилась в изучение выданных королем бумаг. Пока сосед не распускал руки, я вполне могла потерпеть его, причем без особых неудобств.

Расчет оказался верен, и даже не пришлось прибегать к защитным заклинаниям. Стоило немного отвлечься, и я просто перестала воспринимать болтовню попутчика, а тому, кажется, и не требовалась реакция слушателя, хватит и молчания.

Поначалу игнорировать его вот так было неловко. Старый

человек, вероятно одинокий, не так уж часто ему доводится поговорить хоть с кем-то! Но я быстро заткнула совесть напоминанием о начале знакомства. Сам виноват: не стал бы распускать руки, я бы наверняка пожалела его и постаралась поддержать светский разговор.

Все-таки репутация змееловов имела свои плюсы: никому бы и в голову не пришло хватать ястреба за задницу, это очень неприятный способ самоубийства. А сейчас... Легкомысленная голубая блуза навыпуск, удлинённый светло-серый жилет с тонким поясом – и кто под всем этим отличит военную выправку от отличной осанки?

Каюта мелко задрожала, по стенам прокатился длинный, протяжный стон – сигнал о погружении. Койка дернулась, заставив меня ухватиться для надёжности за стол и придержать второй рукой бумаги на коленях. Пол накренился, тряска усилилась. Сейчас червь полз по спирали вниз, к близким в этом месте водам Океана: именно толщина породы определяла, где можно, а где нельзя строить червячные станции.

Спуск занял немногим больше получаса. Ещё один стон другой тональности – и мир вокруг выровнялся, а тряска прекратилась.

Я с минуту прислушивалась к наступившей тишине – не считая болтовни соседа, – и старалась дышать ровно, чтобы унять застучавшее в горле сердце.

В такие моменты всегда не по себе. Жутко думать, что длинное гибкое тело извивается над Бездной, почти прижи-

маясь спиной к Тверди. А внизу, под ногами и его брюхом, — изначальный безбрежный и бездонный Океан. И живущие в его глубинах древние чудовища, которые вечно парят в толще воды.

Говорят, воды Океана в глубине столь прозрачны, что сквозь них, особенно у края Тверди, можно увидеть блеск чешуи. Глупости, конечно: Долгая Змея для этого слишком далеко, ее даже сквозь толщу воздуха видно очень редко. Вот если немного отплыть от берега, тогда — да, можно увидеть. Но близко все равно не подобраться: вдоль края Мира, там, где лежит в воде ее бесконечное темное тело, удерживая небосвод, вихрятся такие течения и такие ветры — никак не добраться. Говорят, если нырнуть на черве поглубже, можно преодолеть эту преграду, но там свои опасности. Если у кого-то подобное и получилось, он промолчал.

Черви считаются самым надежным транспортом. С ними почти не случается аварий, они прекрасно дрессируются, послушны погонщику, а существа из глубин, которые способны причинить им вред, почти не поднимаются к Тверди. Но все равно страшно, потому что здесь от тебя уже ничего не зависит, и если с червем что-то случится — это смерть.

Раньше погонщиками служили в основном змеи. Потом червей почти не осталось, как и чешуйчатых; насколько я знала, сейчас их работало меньше десятка. Но дефицит не грозил, потому что путешественников тоже стало гораздо меньше: население Мира с прихода зеленой гнили и по сей

день сократилось как минимум втрое.

Великий Змеелов утверждал, что остальных червей увели змеи-погонщики, унося в их чревах сородичей, и сетовал на то, что там проклятых гадов не достать. Где — «там», не ответил ни разу. В последние годы я надеялась, что это было именно так. Не представляла, где эти беглецы могли найти прибежище, но — надеялась.

Может, Долгая Змея смилостивилась над своими детьми и дала им прибежище на кончике хвоста? Где-то же прятались змеи-беглецы! Вполне возможно, что именно те беглецы, которые украли червей, и пытались сейчас договориться с королем. Если это на самом деле так, если они выжили... Один червь способен унести полтысячи пассажиров, а их было несколько десятков! Может, не так уж мало змеев уцелело?

Прошла официантка, предлагая всем желающим чай и легкие закуски. Я отказалась, а сосед на некоторое время умолк, шумно хлюпая и дуя в высокую кружку с удобным широким дном. Потом погас общий свет, и некоторое время я читала под небольшим ярким светильником, расположенным в изголовье койки. За это время старик, вздыхая и охая, продолжая болтать, судя по шуршанию, переоделся ко сну и забрался под одеяло.

Некоторое время повисела тишина, а потом...

Тому, что он храпит, я уже не удивилась, как и бормотанию во сне. Но это мелкое неудобство всерьез не беспокоило.

ило, хватило накинуть полог тишины – незаменимые чары в дороге.

Ложилась я уже ближе к утру, когда слова начали скакать и расплываться перед глазами, а нос пару раз чуть не уткнулся в листы. Не спать, увы, невозможно, а спать... Я знала, что меня там ждет. От кошмаров уже давно ничто не помогало – ни чары, ни снадобья, ни самоубеждение. Каждый раз оставалось лишь надеяться, что сегодня повезет: все же сны были милосердны и приходили раз в три-четыре дня, не чаще, иначе я давно бы уже окончательно сошла с ума или свела счеты с жизнью.

Впрочем, именно сейчас надежда была очень слабой: слишком насыщенным выдался день.

Днем ранее

Времена каменных застенков, сырых и провонявших кислой кровью пыточных прошли давно. Ушли в прошлое зловещие, безобразного вида конструкции, один облик которых вызывал у неподготовленных людей тошноту. Сейчас допросная больше напоминала больничную палату или, скорее, ту часть морга, где прозекторы проводят свои исследования.

На белом мраморном столе, изрезанном символами и запутанными линиями, напоминающими трещины в камне, сейчас лежал старик. Рубаха из небеленого полотна и такие же портки отчасти скрывали тощие тела, покрытые жел-

то-серой кожей с пигментными пятнами и пучками седых волос. Тщедушное тело порой выгибалось от боли – насколько позволяли держащие его ремни. Когда судорога проходила, на головы окружающих и тех, кого здесь не было, сыпались проклятья.

Четверо, собравшиеся вокруг стола, не обращали внимания на ругань: все ждали.

Роль палача при артефакте исполнял невозмутимый, как глыба льда, мужчина средних лет – подтянутый, обаятельный; когда он улыбнулся мне при знакомстве, на щеках появились трогательные ямочки. Сейчас, правда, он был спокоен и сосредоточен – работал. Сидел в изголовье стола, там, где располагались управляющие пластины, и, подобно композитору, создающему новую пьесу, порой задумчиво касался клавиш в одном ему понятной последовательности.

Король сидел в кресле сбоку от стола, чуть поодаль. Он буравил взглядом основание стола и порой недовольно кривился – происходящее было ему противно. Рядом со столом, следя за ломкой магических и психических барьеров с академическим интересом, стоял молодой энергичный мужчина – Мориц Сенад, занимавший при короле должность начальника службы безопасности. Его любопытство вызывало главным образом время, которое затратит палач на подготовку «материала для допроса».

А напротив него, через стол, стояла я, сцепив за спиной руки. И получала удовольствие.

Было так ново и так приятно видеть Великого Змеелова столь жалким, беспомощным, обреченным. Маленький, трусливый, убогий человечек, состоящий почти из одной ненависти, – я даже предположить не могла, откуда ее столько взялось. Хитрый и изворотливый, этого не отнять; безжалостный, с удовольствием ломавший судьбы. Никому не нужный теперь, кроме своих палачей.

– Можно начинать, – через некоторое время разрешил артефактор. И Сенад с предвкушением в глазах открыл свой блокнот с заметками.

Великий Змеелов плевался ядом, но отвечал на вопросы. О приказах и казнях, о грешках своих любимцев и захвате власти. О Создателе, который явился ему во сне незадолго до появления зеленой гнили и назвал его, Ворику, спасителем. О том, как придумал делать из крови змеев лекарство от болезни, как использовал его для манипуляции людьми...

Много чего говорил, заполняя один за другим звуковые кристаллы для архива. Под конец осип и он, и следовательно, и даже я была к этому близка, хотя вопросов задавала куда меньше, чем Мориц. О тех вещах, в которых, отлично зная орден изнутри, понимала куда больше сторонних наблюдателей.

Когда кристаллы закончились, пришлось слать одного из ожидавших за дверью людей за новыми.

– Тварь! – прошипел мне Великий Змеелов. Молчать на этом столе сложно, мучительно больно – рвется наружу все

то, что прежде было сокрыто. И если не задавать нужных вопросов, объект обычно начинает говорить обо всем, что приходит в голову. – Змеиная подстилка! Надо было сжечь тебя еще тогда, вместе с ублюдком...

– Ты свою возможность упустил, – ответила я, равнодушно пожав плечами. – Теперь я погреюсь у твоего костра.

Провоцировала. Низко, недостойно – издеваться над тем, кто не может ответить, бить лежачего. Но я слишком ненавидела этого человека, чтобы помнить о каком-то благородстве.

Вместо внятного ответа он опять разразился бранью. Кажется, та грязь, которую исторгал Великий Змеелов сейчас, составляла основу его сущности.

– Проклятье, – пробормотал Орлен. – Мориц, в следующий раз будь более предусмотрительным!

– Простите, ваше величество, – развел руками тот. Он тоже, как и я, давно примостился на табуретке. Стоять столько времени почетным караулом у одра старого коршуна – много чести. – У меня никогда допросы не затягивались на шесть часов без перерыва. И, надеюсь, впредь не затянутся!

– Надо было придушить отродье сразу, брюхо тебе вспороть. Зря решил использовать... – прокашлял Великий Змеелов.

Меня словно окатило холодной водой.

– Мой сын... жив? – подалась я вперед, приподнявшись на стуле.

– Сдох уже небось в какой-то канаве, – хрипло расхохотался старик.

– Он родился живым?! Куда ты его дел, падаль?! Говори!

– Норика, прекрати! – рявкнул Мориц, вскакивая. С грохотом упал его стул.

Подоспел со своего места король, сообщая мужчины оттащили меня от Великого Змеелова.

– Ты его прикончишь и тогда точно ничего уже не узнаешь! – пытался воззвать к здравому смыслу Орлен.

– Норика, это будет слишком легкая смерть, не надо!

Меня трясло. Я даже не вспомнила сейчас о магии, хотелось голыми руками разорвать на части дряблое, высохшее тело, вырвать горло, чтобы только не слышать хриплого издевательского смеха. Я не слышала ничего, кроме этого смеха, и хорошо, что физически мужчины были сильнее: слова их до меня не доходили и никакого воздействия не имели.

Безобразие прекратил палач. Он на несколько секунд оставил свое место, налил воды из графина в стакан и выплеснул мне в лицо.

– Прошу прощения, ваше величество, в вас я попасть не хотел, – флегматично уронил в наступившей тишине мужчина, тихо поставил стакан и вернулся к своему месту.

– Ничего страшного, – кашлянул Орлен, по-простецки утирая брызги с лица рукавом.

– Простите за эту вспышку, – ломким, дрогнувшим голосом проговорила я, следуя королевскому примеру и утира-

ясь рукавами формы. — Я...

— Сядь. Сейчас все выясним. — Мориц кивнул на стул, и я обессиленно на него опустилаcь. От накатившей слабости подгибались колени.

Вот только ничего больше о моем ребенке Великий Змее-лов сказать не мог. В приюте, куда его отдали, случился пожар, и след мальчика, которому тогда было четыре года, оборвался. Его никто особо не искал, не видели смысла: я и так слушалась отлично и не давала повода усомниться в верности ордену. «Сдох — и сдох твой ублюдок!» — хрипло каркал старик.

Но поверить в это снова? О нет, это тогда я была глупой девчонкой, которая не ставила под сомнение слова наставников. А теперь у меня появилась цель в жизни, смысл. Хотя бы на короткое время, пока не выяснится, что...

Нет, вот об этом точно не стоит думать. Не сейчас.

Глава 2

Океан у ног

Мне снился огонь. Старое сухое здание трещало, дым ел глаза и забивал горло. Злое, ревущее пламя клацало пастью и отказывалось подчиняться. Вырвавшись из-под контроля, оно бесновалось, стремилось сожрать все, до чего могло дотянуться. Мстило за годы, века рабства.

Горела кожа, горели руки, глаза. Боль выгибала распятое на мраморном столе тело, выжигая кровь и даже душу.

А потом слышные сквозь вой пламени крики и плач утонули в грохоте рухнувших перекрытий. И я проснулась, рывком села на кровати, загнанно дыша. Дрожащей ладонью стерла пот со лба.

От резкого движения истончившийся за ночь полог тишины лопнул, поэтому вежливое «доброе утро, красавица» соседа я услышала и даже ответила чуть хриплым со сна голосом. Не глядя в его сторону, набросила халат поверх длинной свободной сорочки, в которую переоделась перед сном, и отправилась умываться.

К тому моменту, как привезли завтрак, я успела привести себя в порядок в уборной и вернуться посвежевшей. Строгая, точная и расторопная, как хорошо отлаженный меха-

низм, горничная в несколько секунд расставила тарелки, так же механически пожелала приятного аппетита и ушла в следуюшую каюту, а мы остались вдвоем.

Сосед сегодня был неожиданно, я бы даже сказала, пугающе молчалив. Сосредоточенно жевал омлет, прихлебывая ягодный компот. Глядел в тарелку, изредка косился в мою сторону.

– Плохо? – спросил наконец.

– Почему же? Весьма недурно готовят, – возразила я.

Старичок захихикал в кулак, потом прокашлялся и пояснил:

– Сны. – Сосед кивнул на мою койку. – Могу средство дать. От совести, конечно, не поможет, но спать будешь лучше.

– Оставляя за скобками вопросы совести... Вы действительно думаете, что я возьму какое-то средство у полоумного старика, который при первой встрече схватил меня за задницу? – спросила с легкой растерянностью.

Он опять захихикал.

– А у Язода Самоса?

– Тем более! – ответила без раздумий, чем вызвала еще один приступ веселья.

– Я дурного не думаю, помочь хочу, – попытался он настоять на своем.

– В помощи не нуждаюсь.

– Ишь ты, гордая какая! – Кажется, старый алхимик

немного обиделся. – Наказываешь себя?

– Вам не верю, – возразила спокойно. – И не поверю, можете не пытаться.

Он вновь хмыкнул, но умолк, продолжая коситься. Пристальные взгляды раздражали больше болтовни, но недостаточно, чтобы вывести из себя.

Как интересно повернулась жизнь. Мы одинаково верно служили змееловам, потом оба вовремя их предали и теперь бежали на юг – не то от прошлого, не то в надежде на будущее.

– Моя жена была змеей, – задумчиво проговорил Самос. – Я продал душу Ворику в обмен на ее жизнь. Двадцать лет она почти не выходила из дома, чтобы не привлекать внимание. Моя Тинни никогда не говорила об этом, но я чувствовал, она бы предпочла такой жизни смерть. Только меня не хотела обидеть и не могла бросить. Но все равно зачахла. Да.

– Сочувствую вашему горю, – проговорила я. Вполне искренне: неведомую Тинни, которая провела двадцать лет в заключении и постоянном страхе, было жаль.

– Я потому и говорю, что про совесть знаю все. Точно не хочешь зелье?

– Воздержусь.

– Я в Столбы еду, – сменил тему Самос. – Везу Тинни к морю. – Он похлопал себя по груди напротив сердца. – Она по нему больше всего скучала, а раз змееловов больше нет – то и толку от меня немного. Поживу там сколько-то. Если

вдруг нужен будет старый алхимик – заходи, гостевой дом «Красная крыша».

– Спасибо за предложение.

Как он догадался, кто я, спрашивать не стала. Среди вер-хушки ордена было не так много женщин, а Язод Самос был вхож к Великому Змеелову. Где-то там и пересекались. Может, нас даже знакомили, но у меня дурная память на лица.

Алхимия... странная наука. То ли дело артефакторика – все просто, логично, важна каждая закорючка, и расположе-на она на строго определенном месте. А алхимия почти как кулинария, только на порядок сложнее; я никогда не могла ее понять. Щепотку того, на глаз этого, приправить случай-ностью, довести до кипения в полнолуние за час до рассвета и пять раз подпрыгнуть на левой ноге. И при точном следо-вании рецепту у одного получится именно то, на что он рас-считывал, а у другого – слабительное вместо обезболиваю-щего, и это в лучшем случае. Дар к алхимии либо есть, либо нет, и чаще всего именно его наличие определяет стремле-ние к котлам и ретортам. Очень редко алхимиком пытается стать бесталанный в этом деле человек или змей, и ничем хорошим это обычно не заканчивается.

У алхимиков чаще всего очень слабый магический дар. Например, какая-нибудь домохозяйка или пастух из глу-хой деревни были потенциально сильнее Великого Змеелова. Мне кажется, отчасти поэтому тщеславный барон так нена-видел весь мир: не хотел довольствоваться единственным

талантом, мечтал стать лучшим во всем. Изыскивал способ отъема магии и использования ее в личных целях.

Я давно это подозревала, а на допросе только нашла подтверждение: меня он выделил, приблизил и после оставил в живых в первую очередь с этой целью. Чтобы под рукой всегда находился кто-то с незаурядными способностями, кого при необходимости можно пустить под нож. Да и власть над сильными магами очень ему нравилась. А потом, когда исследования провалились, я уже начала приносить пользу.

Сожри Долгая Змея его душу... Не хочу больше думать об этом человеке!

Весь день сосед больше помалкивал, в отличие от вчерашнего. Сказались грустные воспоминания о покойной супруге или он просто выговорился вечером – не знаю, меня одинаково устраивали оба варианта. После завтрака алхимик сидел с какой-то толстенной книгой, порой что-то выписывая в потертый блокнот, а после обеда вовсе ушел, оставив меня до ужина в одиночестве.

Я смутно припомнила, что в описании этого червя упоминались какие-то общие развлечения вроде ресторана и игровых комнат. Кроме того, за день транспорт несколько раз поднимался к поверхности, делая промежуточные остановки и предоставляя возможность желающим размяться.

Одиночество, с одной стороны, принесло облегчение: отпустило напряжение, вызванное близостью постороннего человека, то есть потенциальной опасности. Умом я понима-

ла, что Самос, вероятно, был искренен в своем сочувствии: вряд ли у него имелся резон вредить случайной попутчице или личные счеты ко мне. Но подозрительность все равно заставляла ждать подвоха.

А с другой – в тишине и пустоте каюты стены вдруг начали давить и словно понемногу сближаться. Остро кольнуло чувство собственной ничтожности и ненужности.

Снова вспомнилось, что я болтаюсь над Бездной внутри огромной твари, совершенно незащитной перед чудовищами глубин. Когда погонщиками работали змеи, владеющие магией воды, они обеспечивали безопасность и червя, и пассажиров, а сейчас оставалось рассчитывать только на везение. И если случится катастрофа, обо мне никто не вспомнит и уж точно не станет грустить. Потому что нет ни родных, ни друзей, ни цели в жизни – одни лишь кошмары и грязное прошлое.

Но эту минутную слабость и пораженческие мысли я быстро преодолела. Напомнила себе о слове короля и потерянном сыне, о школе и детях, которым нужна помощь, и решительно вернулась к документам.

За ужином Самос опять попытался всучить мне зелье.

– Пойми, наказывая себя, ты никому не сделаешь лучше! – Алхимик тщетно зывал к моему благоразумию.

– Я не наказываю, – наконец ответила старику, все-таки бросив на него взгляд поверх стопки листов. – Глупо истязать себя, когда ты – единственное, что у тебя осталось, вам

не кажется? Известные зелья мне не помогают, а экспериментировать с неизвестными... Я уже говорила, что не настолько вам доверяю.

– Не настолько – или вообще? – хихикнул он.

– Вообще.

– Такая красивая, а такая сердитая! – укорил алхимик. – Чем тебе слабый старик повредить может?

– Великий Змеелов тоже был слабым стариком, – усмехнулась я.

– М-да. Уела, – смущенно кашлянул попутчик.

На этом разговор снова оборвался, и остаток вечера прошел в тишине. На удивление спокойной и даже уютной. Непривычное ощущение.

Кажется, я слишком отвыкла от обычного человеческого общения. Когда некто просто находится рядом – случайно, потому что так получилось, – и ему от тебя совершенно ничего не нужно, как и тебе от него. Когда необязательно взвешивать каждое слово, следить за лицом и даже мыслями, когда попутчик – просто попутчик, а не возможный собрат по ордену с очередной проверкой лояльности.

Создатель! Интересно, я когда-нибудь сумею опять стать нормальным человеком? Или уже поздно?

К счастью, вторая ночь в каюте прошла спокойнее. Сосед опять громко храпел, опять пришлось накладывать полог, но на этот раз обошлось без кошмаров и пробуждения в холодном поту. Если мне что-то и снилось, наутро я этого не пом-

нила и чувствовала себя отдохнувшей, неожиданно умиротворенной и готовой к встрече с будущим. Даже настроение еще немного улучшилось.

Вроде бы за время дороги ничего не изменилось и не произошло, но та Норика, что готовилась сойти в Столбах, была уже немного не той Норикой, что покинула Релку. Знакомое, но неизменно чарующее явление: необъяснимая магия путешествия на черве, которая не срабатывает при верховой поездке или тем более перемещении порталом. Что-то необратимо меняется внутри в такие моменты, когда ты полностью изолирован от привычных вещей и понятий, когда ты еще не «там», но уже не «здесь», подвешен во времени и пространстве и как будто не существуешь для Мира.

И дело, конечно, не в самом черве, это ведь обычное животное. Скорее, Изначальный Океан, окружающий со всех сторон, вынимает из души беспокойство, страхи и прочий мусор, омывает и врачует раны своими целительными водами, освобождает место для чего-то нового, свежего. Считается, что собственной магии он не имеет, но, скорее всего, мы просто не способны ее осознать – слишком малы и ничтожны в сравнении с Бездной.

Транспортные черви – весьма несимпатичные существа. Одно дело – понимать, что ты путешествуешь в брюхе какого-то огромного животного, не видя его, а совсем другое – пройти внутрь, взглянув на склизкую серо-розовую шкуру длинной слепой кольчатой твари. Поэтому перевоз-

чики стараются сделать так, чтобы пассажиры поменьше видели. Пристань неизменно являет собой отрезок огромной трубы, вмурованной в стену, которая отделяет техническую часть порта от общественной. Червь обхватывает огромной беззубой пастью этот отнорок, и люди без суеты выходят по широкому, удобному коридору, видя за спиной только декоративную загородку, за которой прячутся пандусы и длинные переходы для живности и работников.

Здесь же черви подплывали сразу со стороны Океана, не было нужды городить сложную сеть переходов. Вокзал прорубили прямо в скале на краю Тверди или даже воспользовались естественной пещерой.

Посадочная палуба была выложена веселеньким желтым и розовым камнем, образующим ненавязчивый геометрический узор. Отсюда вверх, к вокзалу, поднималась широкая лестница.

Пахло свежо и сыро, как после дождя на недавно скошенном лугу, – обычный запах моря. Все из-за водорослей, в изобилии растущих на затопленной поверхности Тверди. Вода у побережья из-за них отличается от обычной речной или той, что на глубине: имеет странный сладковатый привкус. С непривычки противно, а местным, наоборот, нравится. Говорят даже, она очень полезная.

Я шла медленно, вместе с соседом. У старика имелся небольшой, но весьма увесистый саквояж; не знаю, как он дотащил его до каюты, – сам или с чьей-то помощью, но сей-

час вещи несла я. Так было даже удобнее – уравнивали. Может, знакомство началось не очень-то приятно и желания продолжать общение со стариком у меня не было, но это не отменяло уважения и снисходительности к возрасту. Не бросать же его наедине с этой тяжестью, явно ведь сам не дотащит!

Наверное, начини я предлагать помощь, Самос отказался бы, но я не стала спрашивать, просто подхватила саквояж вместе со своим чемоданом и сообщила, что помогу донести до вокзала, а там можно и носильщика нанять. Алхимик сел рядом, покашливая и поглядывая виновато, но благо-разумно не спорил.

Распрощались мы в здании вокзала, и распрощались тепло. На площади я взяла открытый экипаж – погода оказалась чудесной, не чета столичной. Поместье Стрелолист в качестве пункта назначения вызвало у извозчика любопытство, но не более. Главное, он точно знал, куда ехать. Правда, перед этим я решила сделать остановку в порталном пункте, где на всякий случай взяла координатную привязку. Школа стоит далеко за городом; мало ли какие срочные надобности возникнут. А перемещаться можно только в то место, магический слепок которого помнишь. Специалисты-портальщики умеют хранить по сотне таких слепков, а моей нетренированной памяти хватает едва ли на десяток.

Дорога сначала вилась по городу – запутанному, вроде бы не менее тесному, чем Релка, но гораздо более обаятель-

ному благодаря погоде. Здесь еще хватало зелени и цветов, а над головой в синем небе сияло солнце. Приятное впечатление оставляли и шумные, оживленные улицы, на которых не ощущалось никакой нервозности и настороженности, словно последние десятилетия обошли этот чудесный уголок стороной. Но в Столбах я прежде не бывала и не могла уверенно судить, всегда ли они остаются такими жизнерадостными.

Вынырнув из города, дорога запетляла по берегу. Невысокие пологие горы кое-где обрывались живописными скалами, желтыми и розовыми на срезе, как камень в отделке вокзала. Да и дома в городе были явно сложены из того же материала. На холмах буйно зеленело что-то вечнозеленое — никогда не разбиралась в растениях.

А сбоку синел Океан. Покрытая мелкой рябью поверхность напоминала шкуру какого-то огромного зверя, который ежился от легкого ветерка и медленно ворочался во сне. Вдали, у самого горизонта, через голубую дымку угадывалось что-то темное, ровное. Кажется, сейчас был один из тех редких дней, когда воздух чист и прозрачен до такой степени, что взгляд может различить тело Долгой Змеи.

Океан выглядел умиротворенным. Сонным. Задумчивым. Чем дальше я на него смотрела, тем внимательней смотрел он в ответ, заглядывая в самые глубины мыслей и памяти. И тем безмятежней, разглаженная его отстраненным вниманием, становилась душа.

Пожалуй, стоит еще раз, уже гораздо более искренно и осознанно, поблагодарить Орлена за эту ссылку. Даже если мое состояние заботило его в последнюю очередь, королевская воля отправила меня туда, где мне точно было лучше, чем в столице. Пока. Загадывать на более отдаленное будущее я избегала, но уже смотрела в него не просто спокойно, а даже как будто с осторожным оптимизмом.

Жизнь не закончилась. Больше того, это даже не ее середина. Мне всего сорок три, я здорова и сильна, у меня есть голова на плечах и магия в крови. А это уже куда больше, чем у огромного количества людей, и эти люди тоже живут, даже бывают счастливы. Так почему мне не найти свое место здесь, у побережья?

Пусть не счастье, пусть временно, но покой я уже обрела. Я не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так легко и невозмутимо. И это дорогого стоило.

Поместье Стрелолист вольготно раскинулось на склоне холма в живописной бирюзовой бухте. В стороне от него пестрел крышами крошечный городок или большая деревня. У многочисленных причалов виднелись весельные лодки и зияли заметные провалы: рыбаки еще не вернулись с промысла. Вверх от побережья тянулось, наброшенное на пологие склоны, лоскутное одеяло полей и садов – зеленое, золотое, красновато-коричневое на убранных и распаханых участках. Плодовые деревья, овощи, злаки, выше – уходящие за перегиб виноградники, словно причесанные редким

гребнем.

На улице было малоллюдно, хотя ветер доносил то голоса, то смех, то задорную южную перебранку. Местные дети, наверное, занимались в школе, взрослые – хлопотали по хозяйству. Те немногие встречные, кто нам попадался, откладывали дела и глазели с интересом, порой приставляя ладони козырьками ко лбу, чтобы лучше разглядеть против солнца. Ни опасения, ни враждебности не ощущалось, и это показалось хорошим знаком. Не для меня, конечно, – для детей, которым предстоит тут учиться.

Территория поместья встретила тишиной, но совсем не гнетущей, уютной. Дорога стрелой пронзала старый фруктовый сад и в конце делала лихой вираж, чтобы подойти к парадной лестнице длинного здания, вытянутого вдоль бухты.

Когда мы подъехали ближе, оказалось, что поместье состоит из трех связанных между собой крыльев, за которыми, очевидно, помещались хозяйственные постройки.

Экипаж закономерно никто не встречал, о прибытии-то их не предупредили. Но пока я выгружалась и расплачивалась с извозчиком, из глубины парка вынырнул крепкий, приземистый мужчина с широченными плечами и длинными руками. Не вызывало сомнений, что незнакомец очень силен, это ощущалось в самой его фигуре, в каждом шаге.

– Норика Неро? – приблизившись, спросил мужчина. Когда я кивнула, продолжил, протянув лапу для рукопожатия: – Мрон Таврик, артефактор. Я тут по хозяйственной части.

Пойдемте, покажу что и где.

– Спасибо, – с удовольствием приняла я помощь. Тон его поначалу показался враждебным, но вскоре стало понятно, что это видимость, просто странная манера разговора.

Под ручку чемодана у мужчины поместились только три пальца, а веса он и вовсе словно не чувствовал, так что отстаивать самостоятельность тут я не стала. Рвущийся с языка вопрос, как он с такими руками может быть артефактором, конечно, проглотила: слишком уж грубо, а ему вряд ли легко в этом ремесле.

– Кто-то уже прибыл?

– Только Фалин Вилор, человек. Сидит в кабинете, который по плану как учительскую определили, с делами знакомится.

Фамилия показалась смутно знакомой, но я так и не вспомнила, где ее слышала. Король вроде бы не называл... Но эту мысль я вскоре откинула, вспомнив пару курсантов, носивших ее.

– Что вы можете о нем сказать? – Если его величество охарактеризовал местных служащих и особенно этого специалиста по хозяйственной части как надежных проверенных людей, надо думать, доверять можно не только их профессиональным качествам.

– Да вроде нормальный мужик, – пожал могучими плечами Мрон. – Деловой, шустрый, вежливый. Щуплый. Вы-то покрепче будете.

И хотя сказал он это с неизменным выражением лица, у меня на последних словах все равно появилось ощущение улыбки. Артефактор определенно иронизировал, почти неуловимо. Занятная манера.

Внутри особняк выглядел забавно. Прямо напротив входа, между двух полукруглых лестниц, на том месте, где должен висеть парадный портрет хозяина, – большой и подробный план школы и ее территории. По обе стороны от него две белых квадратных доски, пока одинаково пустые, одна из которых озаглавлена «Объявления», вторая – «Расписание».

На втором этаже, куда мы не спеша поднялись, нашлась копия плана. Я на несколько секунд задержалась возле него. Левое крыло здания называлось теперь жилым корпусом, правое – учебным, среднее – главным.

Всю лишнюю мебель куда-то утащили, на обоях четко проступали контуры снятых картин – часть из них тот, кто руководил процессом, посчитал неподходящими для учебного заведения. Остались в основном пейзажи и натюрморты, в одном месте попался старинный гобелен со сценой охотничьего завтрака. Убрали ковры и портьеры, кое-где навесили новые двери, которые резко выделялись своей простотой на фоне окружающей роскоши. На дверях красовались свеженькие, блестящие таблички с аккуратно выведенными краской номерами комнат.

А вот покои, которые мне выделили, следов ремонта не несли, только легкий намек на тщательный обыск – ме-

бель явно двигали, но потом постарались вернуть обратно. В некоторых местах на обивке и дереве виднелись свежие потертости и царапины. Небольшая гостиная, она же кабинет, спальня, пустая гардеробная и роскошная ванная – все, что может понадобиться, и даже больше.

Здесь Мрон меня оставил и отправился заниматься своими делами. А я освежилась после дороги, сменила одежду и, не разбирая остальные вещи, с папкой наперевес отправилась знакомиться с первым из будущих коллег.

Данная специалистом по хозяйственной части характеристика Фалина оказалась исчерпывающе точной, разве что мужчина был не таким уж щуплым, скорее – поджарым. Кудрявые рыжие вихры и солнечная улыбка располагали к нему с первого взгляда. В какое-то мгновение мне показалось, что я видела его раньше, но ощущение быстро прошло: дело было в очень ярком, буквально хрестоматийном типаже.

– Доброе утро. Вы Норика?

– Да, а вы – Фалин? Очень приятно. Успели выяснить что-нибудь интересное?

– Пока только поверхностно посмотрел личные дела и разложил по возрасту, – ответил рыжий. – Я сам только-только прибыл. Хотя стыдно, конечно, я жил тут неподалеку, в часе неспешной езды верхом. Но столько всего всплыло, и обязательно в день отъезда... Хотелось решить все сразу, чтобы полностью сосредоточиться на деле. Меня попросили помочь тут буквально несколько дней назад, а вырваться не та-

к-то просто, надо же было своих ребят еще кому-то передать, поговорить с каждым, чтобы никто не расстроился, – скучать ведь будут.

– Своих ребят? – вычленила я из сказанного.

Оказалось, в отличие от меня, Фалин Вилор был настоящим учителем, причем основной областью его работы являлись как раз подростки с только-только пробудившимся даром. Ценнейшее приобретение для школы. Он знал решительно все о проблемах этого возраста и написал несколько научных работ по проблемам таких детей. Кроме того, свою работу Фалин явно искренне любил. И воспитанники наверняка очень любили его, я готова была за это поручиться. Оставалось надеяться, что на запуганных, нервных змеиной обаяние тоже произведет благоприятное впечатление.

Отрекомендовавшись, учитель поделился собственными предварительными выводами и опасениями. Среди воспитанников попало несколько... особенных даже на фоне всех остальных, самым примечательным из которых, безусловно, являлся молодой человек около двадцати, плюс-минус пара лет. Он был слишком не в себе, чтобы называть возраст, а других источников информации не нашлось. Именно о нем, кажется, говорил король, упоминая об инстинктивно постигнутом умении маскироваться и прятаться. Бедолага умудрился несколько лет прожить в столичной канализации в змеином облике. В конце концов его все же

поймали, но казнить не успели: орден Змееловов умер раньше.

С карточки на нас хмуро, исподлобья смотрел светловолосый мальчишка с изможденным худым лицом, который выглядел от силы лет на пятнадцать. Змеиный облик у него был невыразительным, серо-зеленым – во всяком случае, на снимке. Мы с Фалином, переглянувшись, единогласно решили, что проблем с парнем будет много. Вся надежда оставалась на наших змеиных коллег, мне же к этому... Кергалу лучше вообще не подходить.

А самой младшей оказалась девочка восьми лет, Оташа, которая попала сюда со старшим братом. У детей не осталось родственников, росли они в приюте, откуда и сбежали, когда в Шелете проснулся змеиный дар. Брат не смог бросить сестру в приюте и прятался с ней вместе, как мог, заботился. Их, к счастью, нашли уже не змееловы, а королевская стража.

Случай был не уникальный, я знала еще одну похожую семью и ждала их приезда с остальными. Только там четырнадцатилетний мальчишка сбежал из родного дома вместе с младшими сестрами-близняшками, которые обе оказались змеями. Родители были законопослушными гражданами, а еще у них было шестеро детей, поэтому двух девчонок они сдали без особых сожалений. Эту троицу четыре года назад нашла именно я и помогла укрыться в глухой деревушке почти у самых Чумных болот, куда вряд ли могло занести случайного человека. Сейчас старшему уже исполнилось во-

семнадцать, и его тоже предстояло учить.

Все старшие дети были из спасенных – мною, еще кое-кем из змееловов, у кого тоже не поднималась рука убивать беззащитных. Восемь младших – из тех, у кого только-только пробудился дар.

– Неужели так мало выживших? – рассеянно проговорил Фалин, когда мы повторно пересмотрели все бумаги.

– Конечно нет, – успокоила его. – Это те, кого удалось быстро собрать. Хотя мне, безусловно, интересно, у кого из королевских порталыщиков нашелся маяк в той глухой местности у Чумных болот.

– Ты уверена? – На «ты» мы перешли очень быстро, с рывком по-другому и не получалось.

– Здесь даже из «моих», спрятанных во времена службы, далеко не все, а были ведь и другие. Наверное, кого-то привезут позже, его величество говорил о чем-то таком. Кроме того, здесь только те, у кого нет родных или от которых без сожалений отказались. Не знаю, как будет с остальными. Но, надеюсь, наш король что-нибудь придумает. Надо сказать, скорость создания этой-то школы впечатляет. Уж не знаю, кто этим занимался, но он достоин восхищения.

– Про твою службу... – неуверенно начал Фалин, кажется, опасаясь ненароком влезть в душу, но любопытство не позволяло молчать. – Какую службу? Ты...

– Я была змееловом, – после короткой заминки все-таки ответила правду. Лучше о подобного рода вещах предупре-

ждать заранее, особенно – союзников. Мы же пока заодно, верно? А то такие подробности имеют обыкновение всплывать в самый неподходящий момент. – Уже лет десять – ястребом, если быть точной. Поверь мне, далеко не каждый из змееловов мог недрогнувшей рукой оборвать детскую жизнь, так что наверняка найдется еще много таких вот счастливыхчиков.

– Ястребом? – потерянно, недоверчиво переспросил мужчина. – Но ты такая молодая! И... ну... нормальная, что ли? Не верится.

– Это долгая и скучная история, – поморщилась я. – Может, как-нибудь и расскажу под кружку чего-то покрепче. Надеюсь, ты после этого не станешь считать меня шпионом?

– Если тебе верит король, чтобы доверить этих детей, то мне тем более стыдно думать всякие гадости. Главное, что сейчас война кончилась и можно начать новую жизнь. Верно? – Он ободряюще сжал мое плечо, и я даже сумела не дернуться и не ударить по чужой руке.

– Верно, – согласилась и даже молча дождалась, пока он сам уберет руку. И только после этого, глубоко вздохнув для успокоения нервов, осторожно попросила: – Фалин, небольшая просьба. Не нужно меня трогать, хорошо? Особенно внезапно. Ничего личного, просто... Есть люди, которых это успокаивает. Меня – нервирует. Извини.

– Нет-нет, надо было сразу сказать, что ты! Я все понимаю, – заверил он. Потом взгляд его стал неожиданно тяже-

лым, мрачным, дав понять, что Фалин далеко не всегда такой жизнерадостный балагур, в глубине под этой маской есть что-то еще. Интересное открытие. – Это... – начал он и запнулся.

– Это не то, о чем ты подумал, – хмыкнула я.

– А откуда ты знаешь, о чем я подумал? Я же ничего не сказал!

– У тебя выразительная мимика. Нет, это не результат насилия или чего-то вроде. Конечно, в моем прошлом и в моей голове водится много всякой нечисти, но ничего такого. Просто особенность восприятия. Давай лучше оставим мою жизнь и подумаем над тем, чему учить этих детей в первую очередь.

К нашему облегчению, младшую школу посещали все будущие ученики, так что как минимум азы общих, немагических дисциплин они освоили. То есть умели читать, писать, знали историю, пусть и в подправленном змееловами виде, землеописание и тому подобное.

Проблемы с этим наблюдались только у самой младшей девочки, которую мы предварительно решили устроить в деревенскую школу. Конечно, школьную программу мог объяснить и Фалин, и даже я, если припрет, но ведь это – время, отнятое у остальных учеников. Вот если окажется, что для учебы со здешними детьми она слишком запугана, или всплывут другие проблемы, – тогда и будем думать. Ну и с Кергалом все было туманно, но его проблемы предстояло ре-

шать постепенно. И очень долго.

Рыжий вызвался прогуляться в деревню, посмотреть, что и как, и я не стала возражать, как и против всех остальных его предложений по организации учебы и изменениям предварительного расписания. Он-то специалист, не то что некоторые! К тому же Фалин привез с собой кучу конспектов и черновых планов, в которых прекрасно ориентировался и которые оказались отличным подспорьем.

На этом мы и разошлись, вполне довольные друг другом. Я все еще смутно представляла, чему смогу учить змеенышей, так что к собственным обязанностям решила приступить с другой стороны, с бытовой, то есть для начала проверить комнаты, предназначенные для учеников. Не то чтобы я не доверяла Мрону Таврику и остальным организаторам, просто считала своим долгом удостовериться, что разместят детей хорошо. Да и вообще, неплохо бы выяснить, что есть в поместье и где это находится.

Поскольку особняк изначально не задумывался как общежитие, тем, кто занимался перепланировкой, пришлось проявить немалую фантазию. Где-то, например, заложили или прорубили заново двери, в основном для того, чтобы новые обитатели могли без проблем пользоваться уборными. Строители явно старались, все выглядело аккуратно и чисто, и хотя выдержать единый стиль комнат не получилось, но и ощущения разрухи не возникало. Интересно, не приложили ли к этому руку змеи со своей магией? В строительстве боль-

ше всего магии земли, а это по их части.

Забавнее всего выглядела мебель. Куда-то стащили роскошные кровати из гостевых спален, в другие – перенесли мебель из комнат прислуги. Куда-то мебель пришлось докупать – тумбочки, шкафы, столы и некоторые кровати блестящим свежим лаком. Не шедевры, какие приобретал хозяин и его предки, но добротные, надежные вещи. Расселять учеников планировалось по несколько человек, в зависимости от размеров комнат. В одни влезало по две-три кровати, в другие – по шесть и даже восемь, но даже в последних не возникало ощущения скученности и тесноты. Имелись тумбочки, шкафы, столы – все нужное для жизни.

Зашла я и в библиотеку, где внезапно обнаружила еще одного обитателя особняка, хозяйку этого книжного царства. Бодрая и энергичная молодая особа старательно наводила порядок в своей вотчине и посетителя встретила с искренним любопытством.

Женщина – или даже девушка, уж очень юно она выглядела, – производила приятное впечатление. Может, потому, что мы с ней походили друг на друга: одинаковые каштановые, в рыжину волосы, собранные в практичные косы, и глаза у обеих серые, разве что у меня светлее. Даже в чертах лица прослеживалось что-то общее – не то форма носа, не то бровей. На первый взгляд нас вполне можно было принять за сестер, правда, с натяжкой: Ежина гораздо милевиднее. Ее мордашке подходило определение «кукольная» – пухлые

губы, пышные ресницы, детская открытая улыбка. А у меня звание на лбу написано, если уметь читать: строгие и резковатые черты, а ухмылка выходит кривой и недоброй, даже когда я искренна и в хорошем настроении. Новобранцы побаивались.

Общий язык с Ежиной мы нашли едва ли не быстрее, чем с Фалином. Она оказалась дружелюбной, общительной, очень энергичной и жизнерадостной – этакое маленькое солнце в человеческом обличье. Задавать вопросы о том, как меня сюда занесло, она не спешила, хотя взгляды кидала любопытные. Да и я не стала пока лезть в душу, больше заинтересованная сейчас не новыми знакомствами, а школой.

Новости оказались приятными, у нас даже имелись учебники. Правда, пока Ежина не могла точно сказать, какие и сколько, многие еще лежали в коробках. Но некоторые явно недавно сошли с печатного станка.

Я определенно хочу познакомиться с тем, кто руководил подготовкой поместья к новой роли, – это человек незаурядных управленческих талантов и предусмотрительности. Ладно мебель, толковых плотников можно собрать по окрестным деревням. Но за пару дней, при общей царящей в стране разрухе и сумятице, добыть где-то новые учебники, прежде запрещенные... Может, где-то на типографских складах нашли старые материалы?

– Тебе нужна помощь? – неуверенно предложила я, окинув взглядом неразобранные ящики.

– Ой, только Мрона не зови! – всполошилась Ежина. – Он, когда коробки таскал, умудрился мне несколько книг испортить, даже не доставая из ящиков! Ума не приложу, как он вообще артефактором работает с такой ловкостью?

– Ну, артефактор он, кажется, толковый. – Я осторожно попыталась защитить нового знакомого, хотя сама недавно задавалась тем же вопросом.

– Это-то и удивляет!

В итоге мы договорились, что я закончу осмотр школы и присоединюсь к Ежине, а потом подберу кого-нибудь из учеников потолковее, когда те придут, или пришлю Фалина, если у него найдется время. Во что совсем не верилось: скорее всего, когда появятся дети, именно у него окажется больше всего работы.

После библиотеки я добралась до столовой, которую расположили в просторном зале для приемов. И простые столы с лавками на фоне богатого убранства с зеркалами и золотом еще немного повысили мне настроение.

Да, злорадство – низкое чувство, но сейчас я даже не пыталась с ним бороться. Был бы жив Великий Змеелов, его бы при виде нынешнего Стрелолиста хватил удар. Представлять это было приятно.

Повариха произвела неизгладимое – в хорошем смысле – впечатление. Строгая, боевитая женщина, которая виртуозно владела воздушной стихией и почти не нуждалась в помощниках, настолько ловко управлялась с тысячей предме-

тов одновременно. Сейчас она занималась заготовками всего чего можно: чистила, резала, доводила до полуготовности и заполняла полки хранилища, где, благодаря магии, все это могло долго ждать своего часа. Казалось, кухня жила своей жизнью, и, если бы я не видела магические потоки, поверила бы в сказки про незримых помощников и чудесные вещи. Или не поверила, что все это делает один человек.

Вот уж где подлинное могущество! Никогда прежде не встречала мага, способного сразу контролировать такое количество мелких заклинаний. Откуда только она взялась?!

Впрочем, на этот вопрос повариха ответила сама, не дожидаясь, пока я решусь его задать, буквально с него и начала. Что колдовала на королевской кухне еще до переворота, потом бежала вместе с королевой, служила ей верой и правдой. А теперь вот решила, что довольно с нее королевских особ, да и климат в Релке – совсем не то, что надо старым костям. Предложение его величества о работе в школе показалось идеальным вариантом: детей женщина любила и жалела, так что с удовольствием взялась им помогать.

Долго путаться под ногами поварихи я не стала. Удостоверилась, что здесь все в надежных руках, и потихоньку вернулась на помощь к Ежине.

Открытые в честь хорошей погоды окна библиотеки выходили аккуратно на подъездную дорогу, поэтому мы загодя слышали характерный шум повозок, разбавленный громкими, невнятными из-за расстояния голосами и смехом. Прав-

да, не сразу обратили на него внимание, а потом мне понадобилось какое-то время, чтобы осознать: это действительно к нам.

Из библиотечного окна было не разобрать подробностей, но по дороге катились четыре длинных, разномастных омнибуса, и у одного я даже разглядела номер на боку – повозку явно сняли с маршрута. Из открытых окон то и дело высывались руки и головы, и помимо шороха колес слышались голоса и громкий смех – многоголосый шум, производимый большим количеством возбужденных и совершенно нормальных детей.

Конечно, я надеялась, что дети к нам приедут не слишком взвинченные и заморенные. Надеялась, но толком не верила: все они, включая «моих», жили в постоянном страхе разоблачения, а это не способствует легкости нрава. И тут вдруг – подобное. Да еще по дороге, на каких-то странных тарантасах!

Ничего не понимаю. У короля не нашлось другого транспорта? Честно говоря, я ожидала, что учеников приведут порталами: порталный зал в поместье имелся, находился в отличном состоянии и, кажется, единственный не претерпел никаких изменений.

Покинув библиотеку, я отправилась на крыльцо разбираться. Ежина из любопытства увязалась следом.

Пока дошли, из омнибусов уже высыпалась толпа юношей и девушек разного возраста. Сейчас они делили багаж и гал-

дели не хуже птичьего базара. В смятении я застыла на верхней ступеньке: среди прибывших не было ни одного знакомого лица – из тех, кого мы ждали.

Ничего не понимаю! Не мог же король *так* ошибиться?

Первый извозчик уже тронулся с места, и я наконец нашла среди детской толпы сопровождающего мужчину – высокого змея в расцвете лет. Отсюда было прекрасно видно черный, с золотой пылью узор чешуи на висках и скулах. Мужчина и не пытался его скрыть, наоборот, аккуратно брил виски, чтобы подчеркнуть «красоту». У него вообще была очень своеобразная прическа: на макушке волосы коротко подстрижены, а на затылке длинные, до лопаток пряди собраны в небрежный хвост. На пальцах змея, кажется, темнели черные треугольные когти. Вторая или даже третья линька.

Видимо, один из тех, кто согласился помочь со школой. Уверенный в себе, спокойный, с широко расправленными плечами и привычкой командовать. Я таких очень давно не видела, с юности, пожалуй. Не взрослых, а столь невозмутимых и расслабленных, чувствующих себя по-хозяйски. Спокойствие его, впрочем, не удивляло: судя по энергетической оболочке, змей – явно боевой маг, а тут до моря рукой подать, так что сил ему сейчас не занимать.

Откуда только взялся, недобиток!

Я с досадой одернула себя и мысленно отвесила подзатыльник. Не ляпнуть бы такое вслух!

Что поделать, старые привычки изжить сложно. Если змее-нышей не получалось считать врагами – дети же, то вот с такими, взрослыми, нередко приходилось сталкиваться в бою. Нужно время и терпение, чтобы побороть вбитые рефлексy и научиться воспринимать их как... своих.

Черный змей, кажется, почувствовал мой взгляд, отвлекся от попыток организовать детей и обернулся. Глаза желтые, а зрачки – пока еще обычные, круглые. Три линьки, точно. Пик силы. Закономерно – вряд ли сюда рискнули бы отправить кого-то слабого.

Я спокойно встретила неподвижный взгляд, коротко кивнула в знак приветствия. Змей двинулся навстречу – легко, пружинисто, с угрозой в каждом жесте. Но к этому я оказалась морально готова, потому стояла и ждала в спокойной, расслабленной позе, сложив руки за спиной. Внутри, правда, подобралась: Создатель знает, что этому чешуйчатому может прийти в голову!

– Добро пожаловать, – ровно проговорила, когда змей подошел к лестнице. Не опуская глаз, протянула ладонь.

Змей остановился, не доходя до меня одну ступеньку – так мы оказались почти вровень. Мельком глянул на повисшую в воздухе руку, внимательно осмотрел меня.

– Норика, – назвалась я. Пауза начала затягиваться и вплотную приближалась к той грани, за которой она и отсутствие ответа превращались в оскорбление.

– Зарк, – не стал обострять змей и ответил в том числе и

на рукопожатие.

Ладонь твердая, прохладная, крепкая. Мужская. Пожал крепко, уверенно, но без ребячества с демонстрацией силы. Это радовало: во-первых, он при желании мог бы легко сломать мне пальцы, все-таки силы змеям мужского пола не занимать, а во-вторых, значит, он готов если не к перемирию, то уж хотя бы к вооруженному нейтралитету.

– А это... – Я кивнула в сторону притихшей молодежи.

– Наши воспитанники, – пояснил Зарк. – В последний момент все-таки решились их взять, не успели предупредить. Надеюсь, места хватит на всех?

– Пока точно хватит, – прикинула я.

Однако следовало сообщить королю, что нас уже больше, чем предполагалось. Создатель со спальнями, в крайнем случае можно будет еще немного потесниться. Но содержание-то школе пока выписано на тех двадцать шесть змеенышей, которые еще не появились! Хорошо, если король сумеет быстро увеличить финансирование, а если нет? Ладно, что-нибудь придумаем.

Пока мы знакомились, змееныши разобрали свои вещи и притихли. Я отвлеклась от Зарка, чтобы пересчитать их взглядом... И едва поборола сначала порыв отшатнуться, потом – протереть глаза.

По лестнице к нам шли двое. Молодая женщина – маленькая, стройная, черноволосая и большеглазая; от ученицы ее отличал только узор чешуи на висках, дававший понять, что

первую линьку она уже прошла, а может, и вторую. Брюнетка держала под руку высокого статного мужчину, светлокожего блондина, словно специально созданного природой в противовес Зарку. Его белые волосы были коротко острижены, челуша оказалась белой, с серебром, и занимала она большее пространство, чем у второго: узор покрывал скулы, виски, заползал на лоб вдоль линии роста волос. На внешних краях бровей забавно топорщились мелкие лазоревые перышки. Этот – старше, уже была четвертая линька. А глаза с вертикальными трещинками зрачков – голубые, как дымка над Океаном. По-прежнему. Редкая масть у змеев.

Прошло много лет с нашей последней встречи, он успел два раза перелинять и не прятал теперь змеиные черты, но я просто не могла не узнать или перепутать, слишком отчетливо и детально помнила это лицо.

И все бы ничего, но я была уверена, что этот змей сгорел на костре. Сама, правда, не видела, но... Неужели Великий Змеелов и тут соврал? Но зачем?! Он же видел мою злость и ненависть, неужели не верил в их искренность?!

Усилием воли я задушила полыхнувшую в груди ярость, не позволив выплеснуться наружу, успокоила взбурлившую силу. Даже, готова поручиться, удержала лицо, уж в этом искусстве я достигла небывалых высот. Даже Великий Змеелов до последнего, при всей своей подозрительности, не знал, насколько я его ненавижу, а он за годы жизни отлично научился читать чужие души.

– Это Сверта, это Аспис, – представил их Зарк.

– Норика.

Я по очереди пожала ладони. Женскую – осторожно, уж очень она выглядела хрупкой, а ее хозяйка – явно настороженной и даже почти испуганной. Мужскую – крепко, спокойно, глядя в глаза. Или Аспис тоже научился виртуозно владеть лицом, или попросту меня не узнал, во что трудно поверить.

Впрочем, как бы ни лихорадило меня сейчас, умом я понимала, что оба варианта лучше старых счетов. Для нас всех лучше. Прошное надо оставить прошлому, особенно сейчас. Есть общее дело, есть дети, которым нужно помочь. В конце концов, я тоже не добрый дух и сделала в жизни много плохого, а Аспис... Это была война, мы были по разные стороны. Он ничего мне не должен.

Будем надеяться, ненависть скоро утихнет. Хотя бы в той степени, чтобы не приходилось ежесекундно контролировать взбешенную стихию.

Сожри меня Змея, почему я не спросила его величество, кто те змеи, что согласились помочь?! Может, за время пути хоть немного переварила бы новость...

– Давайте сначала попробуем разместить учеников, – говорила я. – Список комнат я, правда, не захватила, но что-нибудь придумаем.

– Разберемся, – согласился Аспис за всех троих.

Расселение происходило... организованно. Более чем.

Мы просто шли по коридору, открывали двери подряд, заглядывали внутрь. Блондин быстро называл имена, и указанные змееныши послушно проходили с вещами внутрь, без пререканий и кислых мин. К слову, ни одну из комнат не заняли полностью, пришедших детей явно планировали смешать с местными. Кажется, змеи основательно подготовились к этой поездке, что не может не радовать. Успели заранее предупредить своих? Или просто у этих учеников настолько железная дисциплина?

Новеньких было двадцать два. В основном ребята постарше, только в трех мальчишках сила проснулась совсем недавно, причем один из них оказался человеком. Главное, все они выглядели совсем не напуганными, лишь настороженными и полными любопытства.

Я точно знала, что внимания ордена не хватало на каждый уголок мира и вдали от столицы нравы были куда более вольными. Но одно дело – несколько змеев, затерявшихся среди местных жителей, а совсем другое – такая большая, организованная группа. Знай о ней Великий Змеелов, он бы непременно попытался разобраться с врагами.

Интересно, где именно скрывались змеи? На каком-то образом закрытом от змееловов участке побережья? В больших пещерах? Может быть, в гроте в недрах Тверди, куда можно попасть только с воды? Или в Океане нашелся пригодный для жизни остров?

В любом случае подтверждение информации о спасенных

грело душу. Я радовалась и за этих детей, и за тех, что придут позже: с такими сверстниками им будет гораздо легче успокоиться и вернуться к нормальной жизни. Если, конечно, они не разобьются на два лагеря...

Примерно через час, когда змеи заняли собственные комнаты и вернулся Фалин, мы впятером собрались в учительской. Змеи знакомились с личными делами будущих учеников и обменивались короткими фразами, в которых звучали имена, – прикидывали, куда лучше их расселять. Мы же с рыжим только слушали и в разговор не лезли: пришельцам явно виднее, кто из их детей с кем найдет общий язык.

– Значит, мы правильно предполагали с самого начала, – подытожил результат беглого знакомства Зарк. – Сверта как раз работала с детьми, которые только-только обрели силу, она и займется большинством ребят.

– Вместе с Фалином, – добавила я, кивнув на Вилора. – Методики контроля для всех одинаковые.

– А тонкости мне можно и объяснить, – с воодушевлением поддержал тот. – Я быстро учусь.

– Не слишком ли вы юны для работы со сложными детьми? – рассеянно спросил Аспис, чуть склонив голову к плечу.

Меня передернуло от знакомого жеста, который когда-то казался забавным.

– Я работаю со сложными детьми уже лет двадцать, – не обиделся жизнерадостный Фалин и искренне улыбнулся. –

Так что, надеюсь, сумею им помочь. Да и не так уж я юн, просто маленькая собачка – до старости щенок.

– А вы, Норика? – Блондин перевел взгляд на меня.

– Начну с помощи наиболее загруженному из наставников. – Голос прозвучал спокойно, и я надеялась, что выражение лица вполне ему соответствует. – Наверное, Фалину со Свертой, им на первых порах будет особенно сложно. Кроме того, всем детям нужны хотя бы азы человеческой магии.

– Лучше займитесь... хозяйственными вопросами, – ровно проговорил Аспис. – *Ваша* помощь *нашим* детям не нужна.

Значит, все-таки вспомнил и не очень-то готов к совместной работе. Это... все осложняет.

– Не слишком ли ты категоричен? – озадачился Зарк. – Мне кажется, это будет интересно и полезно, уж старшим так точно – практическая отработка защиты гораздо лучше голой теории.

– За воспитанников несу ответственность я. И я не подпущу к ним змеелова, – отчеканил альбинос, сверля меня неподвижным взглядом, особенно выразительным из-за змеиных зрачков.

Впрочем, зря старался, на меня такое уже давно не действует.

Зарк растерялся, причем полный недоумения взгляд был адресован именно Аспису: для него мое прошлое явно не стало сюрпризом, а вот от коллеги такой категоричности

мужчина не ожидал. Сверта тоже не выглядела потрясенной, но инстинктивно подалась к блондину: кажется, у нее с орденем связаны далеко не самые приятные воспоминания.

— На *ваших* воспитанников изначально никто и не рассчитывал. — Я невозмутимо пожала плечами. — Если вам с ними не нужна помощь — это ваше дело. А вот эти двадцать шесть подростков находятся под *моей* ответственностью, и беспокоят меня в первую очередь именно они и их спокойствие.

— То есть вы планируете скрывать, что охотились на им подобных? — Аспис насмешливо вскинул брови. — Исключительно во имя их спокойствия!

— Они об этом прекрасно осведомлены, — хмыкнула я.

Укол мужчины не достиг цели и вообще попал «в молоко», что добавило хорошего настроения. Более того, я с удивлением обнаружила, что заметно успокоилась после короткой пикировки с блондином, контролировать злость стало проще. Наверное, потому, что появилась определенность в отношениях. Аспис ненавидит змееловов вообще и меня в частности, я — лично его. И если змей не планирует как-то сдерживать эти чувства, то и у меня развязаны руки, не нужно притворяться.

— И о своей ущербности — тоже? Змееловы ведь именно на ней настаивали, да? — Голос блондина еще похолодел. — Первое божественное дитя родилось уродцем без рук и ног и было брошено в Океан. Оно вообще не должно было выжить, а вместо этого выросло в гигантскую жестокую змею...

Интересно, почему его так сильно задевала именно новая трактовка змееловами истории сотворения мира? Или просто к слову пришлось?

– Аспис, успокойся! – одернул его Зарк.

– Я с самого начала предупреждал, что из этой затеи не выйдет ничего путного! – огрызнулся тот.

– И чтобы доказать свою правоту, готов раздуть скандал из ничего? – зло осадил его черный змей, чем сразу же завоевал мою симпатию. – Мы здесь ради этих детей, а не твоей мести. – Он хлопнул ладонью по стопке папок. – *Им* нужна *помощь*, ненависти они и так за свою жизнь хлебнули предостаточно!

– Не приплетай сюда детей!

– А они, по-твоему, слепые? Как ты будешь убеждать их, что война закончилась, если сам в это не веришь? Не можешь держать себя в руках – возвращайся, на твое место пришлют кого-то более вменяемого!

– Я не оставлю воспитанников на эту!.. – кивнул на меня Аспис.

– Да заткнитесь вы оба! – вдруг рывкнул на них Фалин, заставив дернуться от неожиданности даже меня.

Рыжий подскочил со своего места и, в два прыжка обогнув стол, оказался за спиной Сверты.

Только теперь все остальные, включая меня, обнаружили, что девушку трясет. Сжавшись на стуле, обхватив ладонями голову, она, крепко зажмурившись, кусала губы, а по щекам

потоком текли слезы.

Мужчины настолько опешили, что даже Аспис не влез. Рыжий, рухнув на колени, крепко обнял девушку одной рукой, прямо через спинку стула, поверх локтей, а второй – принялся массировать ей макушку, что-то тихо приговаривая. Трясти Сверту перестало почти сразу, еще через несколько секунд она бессильно уронила руки. Фалин взял обе ладони в свои и начал разминать какие-то точки уже на них. Потом на пару мгновений отвлекся, рывком отодвинул стул вместе с девушкой и обнял ее через подлокотник, продолжая массировать ладонь. Змея, тихо всхлипывая, уткнулась мужчине в плечо.

Мы все это время сидели молча. Мне было искренне жаль Сверту: пожалуй, ей и самой требуется помощь, такие реакции на ровном месте не возникают. Непонятно только, почему с мужчинами отправили именно ее с такими проблемами, если у них хватало желающих. Или там, где они жили, все с ней было нормально и никто просто не мог ожидать, что на новом месте она так сорвется?

Но еще я немного мелочно злорадствовала. Уж очень виновато ошарашенные были лица у змеев, Аспис и вовсе совершенно побелел.

– Извините, я не хотела! – тихо всхлипнула в рыжего Сверта.

– Тебе не за что извиняться, – мягко возразил Фалин. При этом взглядом, которым он по очереди награждал обоих муж-

чин, можно было и поджечь. – Хочешь, я покажу тебе библиотеку? Она тут очень красивая.

Девушка судорожно кивнула несколько раз и, ни на кого не глядя, шмыгнула к выходу. Рыжий молча последовал за ней, не оборачиваясь.

Все-таки интересный он тип, со вторым дном. Любопытно, каким? Состоял в подполье и потихоньку учил змеенышей? Или к войне это не имеет отношения?

Хотя надо понимать: король отправлял сюда людей, в которых был уверен. Конечно, за исключением змеев, на которых повлиять не мог. А все остальные прошли некую проверку делами, значит, простых людей со стороны тут нет. И Фалин, и даже энергичная милая Ежина оказались здесь не случайно, они должны быть подготовлены к неожиданностям и резким поворотам, устойчивы к враждебной атмосфере и научены располагать к себе окружающих.

– Давайте пока вчерне составим расписание и прикинем распорядок дня для учеников, – нарушила я наконец напряженную тишину. – Нужно хотя бы примерно определить перечень предметов. О специализации, конечно, говорить рано, большинство пока будет осваивать основы. Но за пару лун они научатся контролировать силу, потребуются азы разных направлений. Боевая магия, защитная магия. Бытовые чары могу взять на себя: там много универсального, где не важна стихия, а вот основы целительства ложатся на кого-то из вас. Основы артефакторики и алхимии тоже равнодуш-

ны к стихии, их обязательно нужно прочесть, чтобы выявить возможные склонности. С некоторыми дисциплинами не нужно ждать достижения полного контроля над силой, например, с теорией порталов. Подготовку к ней стоит начать уже сейчас, в первую очередь освежить в памяти математику. Она и для остальных сложных чар пригодится, и этим тоже стоит заняться мне.

Зарк слушал внимательно, и в его взгляде я читала все большее одобрение. Когда я взяла паузу, чтобы перевести дух, черный змей напомнил о занятиях по контролю за оборотом, очень важных для юных змеенышей, и еще одной общей дисциплине, которую подзабыли с уходом змеев из жизни мира, – теории времени. Это, конечно, не для детей, только вчера осознавших свою силу, но помнить о ней следовало. Очень специфическая и сложная штука, я знала о ней в общих чертах и, признаться, сама не отказалась бы послушать лекции.

– А вы сумеете показать на практике? – всерьез заинтересовалась я.

– Мы – нет. Сверта может. И уже показала бы, если бы не ваш коллега, – уголками губ усмехнулся Зарк.

А я только уважительно качнула головой.

Некоторые змеи умели воздействовать на время. В замкнутом объеме, с серьезными ограничениями, но даже это впечатляло. А Великого Змеелова и вовсе пугало до истерики, не просто же так он постарался стереть все упоминания

о подобных талантах детей Долгой Змеи. Откуда этот страх, я, правда, не представляла, да и остальные его соратники – тоже. Поэтому и заинтересовалась в какой-то момент этим вопросом и постаралась отыскать упоминания о нем.

Раньше, до всех конфликтов, плоды трудов этих магов широко применяли в обычной жизни, например, зачарованные ими ящики банально использовали для хранения продуктов. Насколько я сумела разобраться, остановить время в небольшом замкнутом объеме, заполненном неживой материей, было просто. А вот в отношении верхнего предела реальных возможностей змеев найденные мной источники очень разнились и противоречили друг другу. Одни пугали историями про великих магов, способных остановить время для целого замка со всеми его обитателями, кроме самого колдующего, другие – проявляли скромность и ограничивались небольшим замедлением отдельных людей в пределах поля зрения мага. Но все они сходились на том, что более сложные воздействия требуют от мага очень серьезной подготовки, психологической – в том числе.

– Сверта из-за склонности к этой магии такая... чувствительная? – спросила я, осторожно подобрав наименее обидное слово.

– И это тоже, – уклончиво ответил Зарк.

Возражений по делу у змеев не нашлось, так что мы, временно оставив вопросы расписания, переключились на расписание дня и общие принципы организации учебы. Я опа-

салась, что слишком строгую дисциплину змеи не одобряют, но тут мы оказались на одной стороне. Вернее, Зарк соглашался, а Аспис не принимал участия в обсуждении. Но хоть не мешал, уже радость.

Мы сошлись на том, что пока главное – основательно занять детей, чтобы у них было поменьше свободного времени и соблазнов потратить его на какие-то глупости. Поэтому отбой, подъем, питание – все строго по распорядку, домашние задания – тоже. Побольше движения и игр на свежем воздухе: энергии у детей много, надо ее куда-то девать. За территорию поместья выпускать только в сопровождении взрослых, из здания – под неусыпным контролем здешней защиты, сложной, продуманной и многофункциональной, чтобы и не такое реализовать. Контроль за этим я оставила себе: осматривая дом, заодно взяла на себя хозяйские обязанности. Зарк не возражал, змеи в любом случае недостаточно разбирались в человеческих защитных чарах, да и не управлялись бы они с чуждой стихией.

Впрочем, спокойно обсудить и до конца определиться хотя бы с этим мы не успели: я почувствовала вызов из portalного зала. Защита не допустила посторонних на территорию и позвала меня разбираться.

Сомнений, кто прибыл, не возникло, так что я, извинившись, поспешила встречать детей. Змеи увязались следом.

Глава 3

Тьма за стеклом

Первыми появилась пара сопровождающих, молодые мужчины в форме королевской стражи встали возле порտального круга и поздоровались вежливыми кивками. Встречающие остановились на расстоянии нескольких метров, чтобы не вносить помехи в работу порталыщиков.

Потом начали появляться ученики, которые выглядели гораздо хуже привезенных змеями. Чистые, в новой форме, они все равно казались пойманными за руку воришками-оборванцами – в глазах стоял страх и готовые пролиться слезы.

Первые трое, совсем еще дети, сбились в кучку в нескольких шагах от сопровождающих. Стражников змееныши явно продолжали бояться, но не так, как незнакомого места и находящихся здесь чужаков. Похоже, до сих пор не верили, что их не собираются убивать.

Наблюдая за ними, я заметила следующего, только когда меня окликнули по имени.

– Нори! – просиял Мангир.

Я с улыбкой кивнула ему в ответ.

Стройный, высокий юноша с мягкими каштановыми во-

лосами и внимательными зелеными глазами, не по годам серьезный и обстоятельный. Я с удовольствием отметила и здоровый цвет лица, и общее спокойствие парня: его вид говорил о том, что детей никто не обижал.

Ко мне Мангир не подошел, остался ждать сестер ближе к portalу, хотя видно было, как его распирает любопытство. А вот девчонки, появившиеся следом, с разгона с визгом повисли на мне, едва не сбив с ног. Я с удовольствием обняла обеих, чувствуя себя совершенно счастливой, – это были те немногие люди, чьи прикосновения не вызывали отторжения. Девочек я воспринимала как родных и даже не думала с этим как-то бороться.

– А я говорила, что Нори нас в обиду не даст! – заявила Дорика, более боевитая из близняшек.

Внешне обе девочки очень походили на брата – тот же цвет волос, те же глаза, и черты лица во многом похожи. Даже не зная, что они родственники, об этом трудно не догадаться.

– Угу, – смущенно пробормотала Торика, норовившая залезть мне под мышку и смущенно шмыгавшая носом. – Мы так испугались, когда за нами опять пришли!.. Письмо от тебя, правда, передали, но все равно до последнего тряслись.

– Будем надеяться, больше бояться не придется, – отозвалась я с улыбкой, потрепав обе девичьи макушки. – Присмотрите за младшими, ладно? Вам они скорее поверят.

Дори коротко кивнула с видом brave солдата и пово-

локла к разросшейся группе учеников сестру. Брат, еще раз улыбнувшись мне, пошел за ними: привык опекать и делал это даже тогда, когда сами девочки категорически возражали.

Именно сходство имен в свое время способствовало тому, что девочки поверили мне и прониклись симпатией. Старые, образованные от числительных «нор», «дор», «тор» – это «один», «два» и «три» на одном из мертвых языков. А заодно указательный, средний и безымянный пальцы: считать тогда умели только на них.

Я проводила всех троих взглядом, чувствуя застарелую горечь и тоску. Каждый раз, когда я смотрела на Мангира, горло словно сдавливала невидимая холодная рука. Потому что именно так мог бы выглядеть мой сын, если бы он был жив, и порой я позволяла себе осторожно мечтать о том, что именно в искупление его смерти Создатель послал мне этих троих.

А теперь вдруг оказывается, что мой ребенок выжил и есть надежда взглянуть ему в глаза. Создатель!.. Пусть он найдется! Пусть ненавидит меня и всех змееловов, пусть не желает меня видеть, пусть никогда не простит, но... пусть просто будет жив. И счастлив.

Как и прежде, долго предаваться этим мыслям я себе не позволила. Встряхнулась, сбросила оцепенение, а потом и вовсе отвлеклась на новые приятные впечатления: следом за группой незнакомых детей появилось еще несколько мо-

их ребят, которых тоже хотелось обнять, сказать каждому что-то утешительное и ласковое, поддержать.

За это время Дори собрала перепуганных младших вместе, поближе ко мне, непрерывно треща о том, что уж теперь-то все точно наладится. Как и следовало ожидать, симпатичную юную девушку дети боялись куда меньше, чем меня и уж тем более – взрослых змеев, на которых смотрели с суеверным ужасом. Закономерно: они выросли в страхе перед этими существами, с мыслью об их опасности и жестокости и до сих пор, наверное, не отождествляли себя с ними. И это – одна из проблем, которые нам предстояло решить.

Наконец портал заметно раздулся, когда в него влили разом больше энергии, – и закрылся. В точке выхода остались еще один страж, невысокий крепкий мужчина в возрасте, и светловолосый парень со скованными за спиной руками и в ошейнике, цепочка которого была в руке мужчины.

– Вы что, совсем озверели? – рыкнула я, выпутываясь из детских рук и жестом велел всем оставаться на месте. – Что это за представление?! Наручники и ошейник – снять!

– Госпожа змеелов, так это... – растерянно начал стражник, на шаривая камень-ключ от магических оков.

– Змееловов больше нет, сожри вас Долгая Змея! – процедила я, напоминая себе, что грязно ругаться сейчас нельзя, тут дети.

И хорошенько приложить этих остроумных ребят об стену нельзя – по той же причине. А еще потому, что в та-

ком случае он вообще никогда не найдет этот проклятый камень-ключ.

– Так он же совсем того. Невменяемый же, псих... На людей бросается, человеческой речи не знает, – продолжил старший конвоир.

– Он десять лет в канализации прожил, это не укрепляет любви к людям.

Не дожидаясь, пока стражник сам справится со сложными чарами, я забрала у него небольшой белоснежный голыш и сжала в кулаке. Подошла к парню – длинный, тощий, он был выше меня на голову, но весил, кажется, раза в полтора меньше.

– Кергал, сейчас я все это сниму, – заговорила с ним. От звука своего имени парень дернулся, в глазах мелькнуло не то понимание, не то еще больший страх. – Ты понимаешь?

Короткий нервный кивок.

– Хорошо.

Наручники растаяли, а камень-ключ ощутимо потяжелел. Белобрысый нервно потер запястье, ухватился за ошейник, напряженно глядя на меня.

– Здесь дети. Они не враги. Нападать на них нельзя. Понимаешь?

Еще один отрывистый кивок.

– Хорошо. Я снимаю.

Стоило растаять ошейнику, который сдерживал всю магию, включая оборот, и очертания Кергала смазались, потек-

ли. Через удар сердца передо мной уже поднимался на кольцах собственного хвоста серебристо-зеленый змей – гораздо красивее, чем на снимке. А еще через мгновение он уже распрямился пружиной в прыжке к окну.

Не успел бы, дурак, только в щит врезался и, не дай Создатель, поранился осколками! Но проверить это, к счастью, не удалось: откуда-то сзади и сбоку, из-за моей спины метнулась белая молния, и на мраморном полу порталного зала сплелись две разноцветных ленты змеиных тел.

Белый был не только старше и опытнее, но еще крупнее и тяжелее, так что шансов вырваться из такого захвата у мальчишки не было. Некоторое время в напряженной тишине слышалось только невнятное шипение – понять змею в обороте может только другая змея, чем они нередко пользовались во время войны. Правда, им это не особенно помогло: порталы и иоры, связанные артефакты, на практике оказались гораздо полезней.

– Шел, а у тебя тоже такие вот перышки вырастут? – нарушил тишину звонкий детский голос.

– Вырастут, – вместо неведомого Шела со смешком ответил Зарк. – Или перышки, или шипы, у кого как.

– Я тоже хочу быть змеей! – решила девочка. – Только красной. Так красивее.

«Шелет и Оташа», – вспомнила я, находя взглядом говорящих. Оба одинаково белобрысые, девочка – так и вовсе хороша, словно куколка, со своими льняными локонами. За

змеями она наблюдала с искренним любопытством и совсем без страха, это обнадеживало. А оглядевшись, я поняла, что Оташа не одинока в своих симпатиях: напуганными казались только несколько детей помладше, остальные наблюдали за происходящим с жадным любопытством или даже восхищением.

Неплохое начало: как минимум большинство учеников не боится змеев во второй ипостаси. Глядишь, и с оборотом проблем не возникнет.

Да я и сама не могла смотреть на них без восхищения. Даже Кергал, хотя почти не отличался от обычных пресмыкающихся, был красив, а уж Аспис...

Яркий, с двумя серебристыми и одной голубой полоской вдоль спины, крупной головой необычной формы – словно граненой. Посередине между глазами начинается хохолок из коротких серебристых перышек, которые на затылке становятся длиной в две ладони, до половины окрашены лазурью и образуют роскошную корону. Дальше на длине в пару ладоней перья собираются в постепенно сходящий на нет гребешок, чтобы опять появиться ближе к хвосту тремя полосками и создать на его конце причудливую трехгранную кисточку.

Интересно, а как выглядит черный? Если следовать контрасту дальше, у него должны быть именно шипы.

Наконец змеи о чем-то договорились и одновременно перетекли в человеческий облик. Поза изменилась соответ-

ственно: Аспис стоял на одном колене, заломив полулежащему парню руку за спину и удерживая шею в захвате. Отпустил, поднялся, подал руку. Кергал хмуро зыркнул в ответ, но помощь принял.

– Это юное дарование я возьму себе, в группе с ним вряд ли удастся справиться, – сообщил чем-то ужасно недовольный блондин.

Я только кивнула, принимая к сведению, и обернулась к смущенным и встревоженным стражникам. Когда змеи обратились, у этих троих сработали рефлексy, они все схватились за оружие. Хорошо еще, ринуться в бой не успели, Создатель знает, что бы из этого вышло!

– Это все? В таком случае спасибо, можете быть свободны.

– Госпожа... Неро, – Старший стражник, который вел Кергала, запнулся, но выводы с первого раза сделал правильные и вовремя исправился: – У нас приказ остаться здесь на случай каких-то проблем и конфликтов.

Я смерила троих оценивающим взглядом. Капитан – крепкий седеющий мужчина без лишних нажитых выпуклостей, на котором синяя форма сидела на удивление ладно. На лице – приметный шрам через щеку. Лишнее напоминание о том, что без змеев с целительством все было плохо: средней руки маг мог бы свести это безобразие за пару раз. Раньше, свежий, а сейчас – уже не знаю. Поначалу я не обратила внимания, но теперь привлек внимание взгляд капитана – ни опаски, ни подобострастия, только любопытство и легкая

ирония.

С ним – двое молодых парней. Повыше – русоволосый, немного нескладный, зато по сторонам осматривается с явным интересом и без малейшего опасения. Пониже – крепко сбитый, с тяжелым и недобрым взглядом исподлобья. Все трое – с вещмешками.

– Ладно, Создатель с вами, – не стала спорить я. Приказ – это приказ, тут не поспоришь. – По коридору направо, там у лестницы найдете план здания. Идите в учительскую и ждите меня. И... пожалуйста, капитан, постарайтесь не ссориться со змеями, ладно?

– Не волнуйтесь об этом, – коротко дернул головой мужчина. – Госпожа Неро, по поводу ошейника... Мы же понимаем, что он не от хорошей жизни. Но...

– Забудьте, – поморщилась я. – Я была не права, накинулась, не разобравшись. Идите. Сейчас поселим детей и подумаем, чем вас занять.

Где кого размещать, в основном решали змеи, а я шла рядом просто для успокоения новоприбывших. Уже заселившихся соседей новенькие воспринимали настороженно, но без страха: вместе устраивали одногодок или около того, бояться особо нечего.

Пока мы разговаривали в учительской, Мрон Таврик работал. Не знаю, как он успел, но всем прибывшим раньше ученикам выдали форму, и те даже переоделись.

Никаких значков и шевронов не было. Черные штаны или

юбка, удобные низкие ботинки, белая рубашка и серый, с искрой китель. Смотрелось строго и элегантно, красиво – если не задумываться, что это. Змееныши, конечно, не догадывались, во что их нарядили, почему-то не проявляли беспокойства и змеи постарше. А вот я ученическую форму ордена Змееловов знала преотлично, сама в ней выросла, и потому испытывала сейчас очень странные чувства. Сарказм ситуации – змееныши в этой одежде будут учиться магии в родовом гнезде Великого Змеелова – зашкаливал, и я никак не могла определиться, смешно мне или жутко от таких перипетий судьбы.

Впрочем, его величество наверняка не думал о том, как это будет выглядеть. То есть не мог не понимать, но вряд ли эти мысли как-то сказались на принятии решения. Просто у него осталось много ненужной формы, которую всегда запасали в достаточном количестве и не сэкономили на качестве, а с другой стороны – появилась новая школа и толпа оборванцев, которых надо одеть. Отличное изящное решение. А что Великого Змеелова от этого в Бездне корежит – так пожалуй его некому.

В мелкой бытовой суете прошел остаток дня, к концу которого я сделала приятный вывод: с учениками нам почти неприлично повезло. Те, что помладше, еще не успели до конца пропитаться ужасом своего положения. Да, все они приютские, и жизнь там – совсем не то же самое, что с любящими родителями. Но, нужно отдать змееловам должное,

содержанию сирот уделялось достаточно внимания, и дети были сыты, одеты, обучены и находились в относительной безопасности. Несколько дней в застенках ордена хоть и напугали всех, но со змеенышами не успели сделать ничего *по-настоящему плохого*. А все, что было, легко смоеся новыми впечатлениями.

Те же, что постарше, хоть и хлебнули страха, но все они успели увидеть и другое отношение, потому что им помогли. Кому-то я, кому-то – другие люди, но в любом случае они не разучились совершенно доверять окружающим и способны верить в лучшее.

По-настоящему тяжело будет только с Кергалом, но тут очень удачно вмешался Аспис. И, несмотря на мое к нему отношение, стоило поблагодарить его за это. Парню нужен хороший целитель душ или уж хотя бы опытный наставник, который знает, что делать в такой ситуации. То есть точно не я, несмотря на то что последние годы занималась именно преподавательской деятельностью.

Три с половиной года назад, вскоре после знакомства с близняшками, Великий Змеелов отстранил меня от полевой работы. Слишком часто мои отчеты, когда нужно было проверить информацию о змеях и змеенышах, сводились к короткому «уничтожен при попытке к бегству» и горстке пепла, по которой не понять, кого именно там сожгли. Так проще всего было оправдать исчезновение в неизвестном направлении очередного ребенка.

Старый коршун был слишком самоуверен, чтобы заподозрить истинное положение вещей, и считал вместе с остальными командирами ордена, что я проявляю слишком большое рвение и ненависть к змеям, а за такое не осуждали, в крайнем случае – мягко журили. Меня вот, опасаясь срыва слишком сильного боевика, просто посадили при штабе делиться опытом с подрастающим поколением.

В тот момент было очень обидно, что больше не получится никому помочь, но излишне настаивать на возвращении «в поля» я не рискнула – могли заподозрить неладное. Оставалось пытаться привить человечность воспитанникам, но без особой надежды на успех: в самом сердце ордена слишком мало пространства для маневра, не хотелось засыпаться на такой ерунде, как крамола.

К счастью, почти в то же время я узнала о появлении короля, нового врага Великого Змеелова, которого просто не могла не поддержать. И в этот момент постоянное пребывание в столице оказалось благом, а жизнь получила новую цель.

Прикрыв за собой дверь, Мангир неуверенно замер на пороге. В большой светлой комнате с зеркалами и дорогими гардинами на окнах по углам стояло четыре простых кровати, возле них – столь же простые тумбочки, вдоль стен – одинаковые шкафы, а середину занимал роскошный круглый стол на резных лапах с наборной столешницей. Возле

него спиной к двери сидели двое парней, а чуть в стороне стоял еще один, рослый крепкий блондин с яркими, соломенного цвета волосами. До прихода новенького явно что-то происходило, потому что при его появлении грянул взрыв хохота.

Мангир особенно остро ощутил себя здесь чужим. Он и раньше, до побега, не отличался общительностью, а уж в той деревне, где они с сестрами прятались последние годы, и во все отвык: самому молодому тамошнему обитателю, не считая их маленькой семьи, было уже под сотню.

– Привет! – дружелюбно улыбнулся блондин, естественно сразу заметив пришельца. – А вот и наш четвертый. Я Барес, это – Лейм и Рагрор. Раз ты последний – извини, выбора нет. Вон та кровать. – Он кивнул в угол у окна.

– Мангир, – неуверенно назвал парень и прошел к указанному месту.

Вещей у него было – тощий мешок со сменной одеждой. Форма, которую выдали в столице, кое-что из грубого домотканого полотна, прихваченное в деревне, – и, пожалуй, все. Если не считать спрятанной в вещах маленькой деревянной лошадки, вырезанной с большим тщанием и мастерством. Подарок от деда, который умер очень давно, еще до побега. Единственное напоминание о прошлой, почти спокойной и счастливой жизни. Мангир стеснялся своей привязанности к этой детской игрушке и даже от сестер ее прятал. Ну как можно? Он мужчина, ответственный за двух безала-

берных девиц, и вдруг – деревянная лошадка в мешке.

– Ты откуда? – Барес, кажется, проявлял участие вполне искренне, но Мангиру все равно было беспокойно, юноша ждал подвоха.

– Из Чумных болот. Почти.

– И как там? – восхищенно присвистнул блондин. Такую реакцию можно было понять: про вторую родину Мангира ходило много слухов один другого страшнее. Только к действительности они, насколько он мог видеть, не имели никакого отношения.

– Болото, – неопределенно пожал плечами новенький. Положил мешок с вещами, осторожно сел на край кровати, настороженно рассматривая соседей.

Все трое казались ровесниками самого Мангира. Русоволосый Рагрор, несмотря на грозное имя, был очень худым и маленьким, с живой мимикой и бьющим во все стороны неукротимым фонтаном энергии. Он сидел, задрав ногу на край стула и обнимая ее одной рукой, и постоянно вертелся. Лейм же напоминал медведя – огромный, с буро-коричневыми волосами, собранными в небрежный хвост. Но он, как ни странно, производил наиболее приятное впечатление – казался самым спокойным и добродушным, что ли. Наверное, потому, что походил на дядьку Тредо, у которого Мангир с сестрами жил все эти годы.

– Давай с нами, – предложил Рагрор. – Мы в пантомиму играем. Тут на карточках написаны фразы, надо объяснять

их жестами. Пока Барес отдувается, посмотришь.

– Давайте, – решил Мангир.

Играть ему не хотелось, но на ровном месте ссориться с соседями, которые явно настроены мирно, не хотелось еще больше. Да и время чем-то надо занять, не таскаться же за сестрами целый день. Нет, он бы с радостью, так было бы спокойней и не приходилось поминутно задаваться вопросом, не влезли ли близняшки в неприятности. Но Дори точно возмутится. А с ней не хотелось ссориться тем более.

Неожиданно для себя Мангир быстро втянулся в игру. Правила несложные, задания – смешные и разные, да и новые знакомые приняли четвертого в свой круг на удивление хорошо. Он все ждал и ждал неприятностей, каких-то проверок для новичка в сложившейся компании, но почему-то так и не дождался.

Он же не знал, что на этот счет всех отправляющихся к людям змеенышей основательно проинструктировали, даром что намеренно выбирали самых дружелюбных, общительных и неконфликтных. И те трое, к кому его поселили, изначально были готовы взять на себя опеку над новым соседом, независимо от того, насколько он окажется плохим или хорошим.

– А ты тоже будешь учиться с младшими? – спросил Лейм, когда атмосфера в комнате разрядилась и новенький немного расслабился. – То есть ты силу пока не освоил?

– Вряд ли с ними, но как именно – не знаю, – честно пожал

плечами Мангир. – Пару лет я проучился, так что кое-что знаю и многое помню, а теперь... Может, Норика сама возьмется учить, я бы с радостью.

– Погоди! Ты человек, что ли? – сообразил Барес. – А почему тебя тогда сюда отправили?

Мангир поначалу вновь ошетинился, ожидая враждебности уже по этому поводу. Но – опять зря, никакой неприязни и осуждения в змеях не было. Это... сбивало.

– С младшими сестрами, – не иначе как из-за смятения прямо ответил он. – Близняшки – обе змеи. Мы из дома сбежали, когда родители... – Он запнулся. – В общем, когда стало ясно, что у девочек за дар.

Предательство родных они никогда не обсуждали, это было негласное правило. Не заговаривали об этом девочки, молчал и Мангир. А что можно сказать, если родители – казалось, любящие, заботливые – сами сообщили в орден, что в их дочерях проснулся запрещенный дар? Проще оказалось сделать вид, что никаких родителей не было вовсе. Их трое – и больше никого.

Но не говорить – не значит не думать. Мар все эти годы пытался понять, как такое получилось. Кто виноват, почему родители даже не попытались заступиться за девочек? Да, в их семье было шестеро детей, но разве это повод отдавать в руки палачей кого-то из них? Как могло случиться, что строгая и страшная на первый взгляд женщина, явившийся по их души змеелов, оказалась гораздо сердечней и заботливей

родной матери?

– А Норика, у которой ты хочешь учиться, – это та женщина, которая тут командует? – заинтересовался Рагрор. – Суровая. Взгляд такой – ух!

– Норика лучшая! – резко возразил Мангир.

– Извини, я не подумал, что ты... – немного смутился тот. – Но она красивая, это точно. Хотя, по-моему...

– Да не влюбился я, – поморщился Мар. Пару секунд помешкал, но потом решил, что надо договаривать, раз уж начал, и пояснил: – Это она сестер спасла и спрятала. И меня.

Змеи озадаченно переглянулись. Обо всех возможных опасностях большого мира их предупреждали подробно, и госпожа змеелов в списке шла первой. И новость о том, что она кого-то там спасла, оказалась неожиданной.

В этот момент, удачно прерывая серьезный разговор, глубокий и приятный женский голос из коридора громко пригласил всех на обед. Явно какая-то магия: слишком хорошо было слышно, но при этом чувствовалось, что за дверью никто не стоит.

Игнорировать приглашение, конечно, никто не стал, и все четверо отправились в столовую. Новые знакомые успели разобраться в нехитрой планировке здания и шли уверенно, так что у Мангира не осталось даже призрачного шанса заблудиться.

Огромный сверкающий зал с блестящим полом и зеркальным потолком с непривычки производил впечатление, и но-

воявленные воспитанники школы заметно терялись в окружающем великолепии, втягивали головы в плечи и боязливо трогали позолоченные завитки на стенах. Даже для полусотни обитателей здесь было слишком просторно, зал без труда вместил бы и в четыре раза больше.

Внося дополнительные штрихи в общую странную картину, под потолком летали тарелки и плавно пикировали на столы перед учениками, не разливая при этом ни капли. Кто-то провожал их замороженными взглядами, кто-то – испуганными и долго не решался есть из такой самостоятельной посуды, не зная, что еще взбредет ей в голову.

Мангир первым делом нашел взглядом сестер. Он бы легко сделал это и в куда более густой толпе: за годы научился отлично чувствовать, как далеко они находятся, что здорово помогало, если девчонки вдруг сбегали в лес или на речку. Близняшки сидели за одним из больших столов в шумной, по большей части девичьей, компании. Разумеется, Дори находилась в центре внимания и что-то с жаром рассказывала. Бойкая и общительная, она больше остальных маялась от одиночества на болотах и сейчас, вырвавшись наконец из скуки прежней жизни, наслаждалась каждым мгновением.

Юноша улыбнулся Тори, которая заметила брата и помахала ему рукой, но дальше прошел за своими новыми знакомыми к свободному месту у соседнего стола.

– Твои сестры? – уточнил Барес. Просто из вежливости, это и так было понятно: других близняшек в зале не наблю-

далось. – Симпатичные! Не смотри на меня так, я без всякой задней мысли, – рассмеялся он.

– Можешь расслабиться. – Рагрор насмешливо похлопал ревнивого брата по плечу. – Барес в этом смысле совершенно безопасен, я хуже.

– То есть? – растерялся Мангир.

– Он у нас принципиальный романтик. Хочет встретить свою единственную и неповторимую, чтобы сразу и навсегда. А по мне – идеальную можно и не найти, а процесс поиска – это самое интересное, – жизнерадостно пояснил Рори.

– И куча неприятностей в комплекте, – хмыкнул Барес, которого слова друга явно не задели.

– Зато не скучно!

– Обхохочешься, – пробурчал Лейм. – Особенно когда он путает, с кем и куда идет на свидание, а влетает потом нам, потому что его попробуй поймай.

– Эх, я бы тебя с такими девочками познакомил! – мечтательно зажмурился Рагрор. – Но – увы, никого из них не взяли. Вот выбраться бы в город... Да ладно, я так, гипотетически! – тут же пошел на попятный Рори, когда перед его носом появился увесистый кулак Бареса.

– А я серьезно, – не оценил шутки тот. – Проживешь пока без женского общества. Еще не хватало из-за твоего кобелизма сорвать всю поездку!

– Да ладно, ладно, я все понимаю! – Рагрор вскинул руки в жесте капитуляции. – Какой же ты все-таки зануда, Бес!

Хлеще своего отца.

– Просто его жизнь заставила, а у меня – характер, – невозмутимо пожал плечами Барес. Прозвучало даже с какой-то гордостью.

– Кстати, раз уж ты упомянул его, представляешь, что Аспис с тобой сделает, если вляпаешься? – добавил Лейм.

– Осознал, проникся, веду себя прилично, хватит запугивать! – улыбнулся Рори и опять выразительно поднял ладони, признавая поражение.

– А кто он? – не удержался от вопроса Мангир.

– А вон того белобрысого видишь, с постной мордой? – Рагрор кивнул на учительский стол, стоявший особняком в конце зала.

– Вы не очень похожи, – осторожно заметил Мар.

– Не скажи, у него просто цвет волос и кожи уж очень специфический, это сбивает. А так, если привыкнуть, сходство есть. Ну и от матери, наверное, тоже что-то взял.

– Наверное?

– А, это такая история, чистый анекдот! – рассмеялся Рори. – Не знает он, кто его мать.

– Извини, я не хотел... – Мангир запнулся.

– Что? Да нет, меня такие вопросы не расстраивают, – улыбнулся Барес. – В конце концов, это действительно почти анекдот, который все знают. Отец на меня наткнулся, когда я был совсем ребенком, бродяжничал с какими-то нищими. Точнее, нищенка со мной попрошайничала – я мелкий был,

щуплый, выразительный. Ну, он родную кровь почуял, он умеет как опытный целитель, а кто моя мать – Змея знает! Да и нищенка та меня уже оборванцем подобрала, ничего не сказала толком. Сколько лет – на глаз так просто не определить даже целителю, там разбежка чуть ли не в три года, а за это время... В общем, отец вел насыщенную жизнь и понятия не имеет, откуда я взялся. Но бросить не мог, он ответственный. Рори, кстати, тоже имеет все шансы лет через десять – двадцать внезапно обнаружить себя отцом большого семейства.

– Тьфу на тебя! – Упомянутый поперхнулся воздухом и закашлялся, с укором глядя на друга.

– Вот и делай выводы, пока не поздно, – наставительно сообщил Барес. – А я, собственно, из-за матери сюда напросился. Я наконец достаточно освоил магию крови, чтобы попытаться ее отыскать или точно узнать, что она умерла. А то там, где мы... прятались раньше, все это не сработало бы. Правда, приходится терпеть: там сложный ритуал, привязанный к уровню магической напряженности в мире, поэтому надо ждать подходящего момента. Но он уже скоро.

– А почему ты сам собираешься это делать? Твой отец не умеет или не хочет помогать?

– Не хочет, – поморщился Барес. – Нет, уговорить можно, но это уже я не хочу. Ему-то она никто, случайное событие, а я... в общем, я должен сделать это сам. Хочу знать, кто она и почему меня бросила. И бросила ли вообще. Просто

одно дело – если действительно сама отказалась, потому что не нужен. А если она в беде была? Или ей сейчас нужна помощь? Времена-то непростые были. В общем, я точно знаю, что должен. Глупо, наверное, да и умерла она уже, скорее всего. Но мне нужно знать правду.

Мангир рассеянно кивнул. Желание Беса было ему понятно и даже знакомо, его самого нет-нет, да и посещало такое же: найти родителей и спросить прямо. Посмотреть им в глаза и послушать, что они скажут. А потом... по ситуации.

Иногда хотелось, чтобы они раскаялись и попросили прощения, – не у него, у девочек. Чтобы нашлось чудесное объяснение, оправдывающее их поступок, отличное от обыкновенной трусости. Вспоминались счастливые моменты из тех времен, когда прежняя жизнь еще не разлетелась на осколки и он просто не мог поверить в такое предательство.

А иногда Мар точно знал, что любое раскаяние теперь окажется фальшивым, что время безвозвратно ушло. Тогда ему хотелось быть живым и счастливым просто им назло, чтобы сестры научились пользоваться своими способностями. Хотелось видеть не самих родителей, а их страх и отвращение.

Он вспоминал прочно засевший в памяти подслушанный разговор, переломивший его жизнь. Отца, с пугающим спокойствием рассуждающего о том, что выродки в семье не нужны, и мать, которая лишь соглашалась и не пыталась спорить. Всплывала в памяти холодная и сырая осенняя ночь,

когда он вломился в спальню к близняшкам, когда будил растерянных девочек, сам собирал их вещи в дорогу. Как помогал им вылезти через окно, как они прятались втроем на каком-то старом чердаке и он обнимал хнычущих от страха и голода сестер, пытаясь согреть и успокоить. Как впервые украл еду. Как на чердаке вдруг, среди бела дня, появилась Норика – воплотившийся главный кошмар, ржавый китель змеелова.

И независимо от настроения он прекрасно понимал, что уже не простит родителей. Близняшки – может быть, они вообще очень добрые девочки, а он никогда не сумеет вычеркнуть из памяти те несколько дней. Потому что, глядя на отца, будет вспоминать не раннее детство, а свой страх, стыд начинающего воришки и сводящее с ума бессилие защитить близких.

– Бес, а откуда вы все приехали? – спросил Мангир, стараясь отвлечься от дурных мыслей, которые всегда портили настроение. Не стоит ковыряться в прошлом сейчас, когда у них наконец-то появился шанс на нормальную, спокойную жизнь.

Змеи задумчиво переглянулись, и Барес осторожно ответил:

– Прости, я не уверен, что мы можем рассказывать. Старшие так и не определились, что и кому следует говорить, поэтому последнее распоряжение было просто помалкивать и отказываться отвечать. Мне кажется, кто-то из младших

все равно проболтается, но... Давай потом. Я лучше еще раз уточню, может, хоть отец с Зарком пришли к какому-то согласию.

Мангир кивнул и дальше лезть не стал, пытаться гадать – тоже. Хотя, что скрывать, было очень любопытно и теории в голове возникали самые разные.

От бесплодных рассуждений на эту тему парня спасла Норика. Ближе к концу обеда она поднялась со своего места и обратилась к ученикам с короткой вводной речью. Никаких общих слов, никакого торжественного обозначения целей и прочей пустой болтовни – все и так знали, кто они и зачем тут собрались. Только полезные факты и распоряжения – про получение учебников, про первое вводное занятие завтра утром. Нори не забыла отдельно упомянуть Мангира, который из людей был самым старшим, и велела в то же время прийти в учительскую.

Потом упомянула устав, который будет в течение недели роздан ученикам для ознакомления и заучивания, коротко объяснила распорядок дня, рассказала про требования к дисциплине, которая обещала быть строгой. Ученикам и учителям давалось две недели освоиться на новом месте и взаимно притереться, когда еще можно было рассчитывать на поблажки, и то – по мелочам. О выходе за пределы поместья она, например, высказалась весьма однозначно.

Рори рядом тоскливо вздыхал и морщился, его друзья слушали со спокойным вниманием, а Мангир вдруг поймал

себя на мысли, что эта перспектива его успокаивает. Устав, дисциплина, распорядок дня с точностью до минуты... Может, когда-нибудь это и покажется несправедливым и чересчур строгим, но пока главным было чувство определенности. Чего-то похожего на уверенность в будущем. До сих пор Мар каждое утро просыпался с мыслью, что этот день может стать последним, если до их глухой деревни доберутся змееловы. А тут вдруг оказалось, что завтра, послезавтра, через месяц и даже, может, через год все будет *одинаково*. Пугающее своей новизной ощущение.

– Бес, а куда твой отец дел этого странного типа? Ну, которого в ошейнике привезли, – вспомнил Мангир, когда они уже закончили обедать и собрались уходить.

– Я понятия не имею, о ком ты. – Тот удивленно вскинул брови. – Какой еще тип?

– А, ну да, вас же не было в порталном зале, – сообразил Мар и кратко пересказал происшествие.

Особого беспокойства по поводу перевозки Кергала в магических оковах молодой человек не испытывал. Странного змея ему было искренне жаль, но не потому, что того связали, а из-за явных больших проблем с головой: связали за дело. Мангир еще в столице видел, как привели этого парня, как он шипел и кусался, будучи в человеческом обличье, и как с ним сначала пытались договориться по-хорошему. А сейчас Мару было интересно, как именно белый змей собирается находить общий язык с этим безумцем. Неужели

ему правда можно помочь?

– О, так это отличные новости! – Рори, несколько подавленный озвученными ранее перспективами, очень обрадовался рассказу и заметно взбодрился.

– Что именно? – не понял Мар.

– Если Аспис нашел себе такую интересную задачку, как приведение в чувство этого припадочного, всем остальным достанется гораздо меньше.

– Меньше чего?

– Внимания наставника, – с улыбкой пояснил Барес. – Он очень требовательный и занимается в основном со старшими. Нас тут для него слишком мало, чтобы кому-то не хватило его внимания.

– В общем, тебе повезло, что не будешь у него учиться, – высказался Рагрор. – Он, конечно, мужик умный и учитель хороший, но там скорее хвост свой съешь, чем что-то не сделаешь.

– Я не знаю, какова в роли наставницы госпожа Неро, но что-то подсказывает: ты зря завидуешь, – возразил Бес.

– Я люблю учиться, – пожал плечами Мангир.

В этот момент их догнали в коридоре близняшки и подхватили брата под локти с обеих сторон.

– Мар, можно тебя на секундочку? – с лисьей улыбкой попросила Дори, стрельнув глазами в Бареса. – Здравствуйте, мальчики!

– Здравствуйте, девушки, – разулыбался в ответ Рори и

приосанился.

– Привет, – вежливо улыбнулся Бес девушкам и обратился к их брату: – Тебя подождать?

«Рикошет», – с иронией подумал Мангир, а вслух сказал:

– Я догоню. Что случилось? – спросил он сестру, проводившую взглядом троих змеев.

– Мар, познакомь нас с этими ребятами! – Дори состроила умильную мордашку и просительно сложила бровки домиком. – Он же самый симпатичный из всех парней в школе! И ты с ним сдружился! Это же замечательно!

– А тебе тоже – самый симпатичный? – с усталой иронией спросил он вторую близняшку.

– Я за компанию, – застенчиво улыбнулась Тори. – И любопытно, они же наверняка уже многое умеют. Превращаться так уж точно... А у меня так через раз и получается, как было с самого начала. Вдруг что-то подскажут? Я же до завтра не дотерплю!

– Кстати, вот и отличный повод! Пусть расскажут, что нас вообще ждет! – еще больше оживилась Дорика.

– Пойдем, – покорно кивнул Мангир.

Он давно уже выяснил, что спорить с девочками, если им обеим что-то втемяшилось в голову, бессмысленно. Нет, можно рывкнуть, если это по-настоящему опасно, и тогда они даже слушались скрепя сердце. Но сейчас в таких резких мерах не было смысла.

К тому же Тори выбрала очень верные слова. Брат пре-

красно знал, как любознательные и живые девчонки страдали от недостатка знаний и невозможности его восполнить, пытались действовать вслепую. Слишком сильно, конечно, не рисковали, но всякое случалось. Кое-чему их сумел научить Мар: во время побега все та же Норика объяснила, что азы управления силой для всех одинаковые, а юноша к тому моменту сам уже вполне овладел магией под руководством опытного наставника. Но много ли он мог дать? А силой боги оделили обеих весьма щедро, обычное дело для близнецов, и та была ключом. У Дори – больше бурной и стремительной воды, у Тори – основательной, надежной земли.

Разумеется, новые знакомые приняли девочек тепло. И предложенный Ториной повод действительно оказался удачным, не зря Дори так радовалась: помочь старшие товарищи согласились сразу. Так что остаток дня в расширенной компании прошел шумно, весело и интересно. На ужин они сходили все вместе, там распрощались и разошлись в разные стороны: близняшки умчались куда-то по своим девчачьим делам, сохраняя при этом ужасно загадочный вид, Бес решил заглянуть к отцу. А Рори с Леймом отправились осмотреться на территории, пока запрещали выходить только за ограду поместья, а не вообще из здания; просто так, на будущее, вдруг пригодится.

В итоге Мангир оказался в большой комнате один и вдруг понял, что очень устал от этого долгого и насыщенного дня, от новых впечатлений, да и от знакомств – тоже, поэтому

неожиданное одиночество воспринял с облегчением. Разложил вещи, припрятав под матрасом в изголовье свою лошадку. Не раздеваясь, завалился на постель, закинул руки за голову и невидящим взглядом уставился в потолок, пользуясь возможностью послушать тишину и переварить множество событий. Да так и уснул.

К вечеру я обнаружила, что у меня есть кабинет. Кабинет директора школы, как он значился на плане. Поскольку других кандидатов на эту должность не наблюдалось, его я и заняла, когда закончилась беготня и появилось время на бумажную работу.

Кабинет выполнял ту же функцию при хозяине. Пропала пара картин и, судя по отпечаткам на стенах в форме щитов, несколько чучел на досках. Учитывая характер и личность Великого Змеелова, я не хотела знать, чьи головы там висели: вряд ли это были обыкновенные животные. А все остальное явно осталось без изменений. Двухтумбовый монументальный стол и небольшой шахматный в стороне, несколько кресел с резными спинками, тяжелые старые шкафы, потемневшие от времени деревянные панели на стенах.

Последствия обыска здесь читались особенно отчетливо. И хоть мусор убрали, но вскрытый сейф не починили, да и несколько тайников зияли печальными дырами: один – на книжной полке, один – в тумбе большого письменного стола и два в полу. Один из последних окружало не до конца отчи-

ценное кольцо гари, наверняка последствия взлома защиты. Внутри сажи не наблюдалось, значит, ценное содержимое не пострадало.

Пара шкафов темнела совершенно пустыми полками – видимо, там прежде хранились документы. Книги в остальных стояли кое-как, их явно перетряхнули. Некоторую часть изъ-яли. Я мрачным взглядом смерила перепутанные тома зна-комых собраний, многие из которых стояли обрезам наружу. От такого безобразия стало почти физически больно, но я заставила себя заняться более насущными вещами. Порядок можно навести и потом, уж как-нибудь потерплю несколько дней.

На столе обнаружился роскошный малахитовый письмен-ный прибор, который содержал все необходимое – от изящ-ной ручки и узкого длинного ножа для бумаг до порталь-но-почтового ящичка для срочных писем. Имелся даже ис-правный иор, переговорное устройство: напитанный маги-ей воздуха и управляемый силой мысли прозрачный кри-сталл-артефакт на подставке. Глянув на него, я наконец-то вспомнила, что нахожусь тут совсем не по собственной ини-циативе, и первым делом надиктовала краткий отчет для ко-роля. Даже не удивилась, что у этого кристалла имелось раз-решение на прямую связь. Как и тому, что на месте Орлена не оказалось, – у него наверняка дел по горло и даже больше.

Сразу после этого я закопалась в бумаги и отвлеклась только тогда, когда в дверь постучали, – никакого секретаря

здесь не предполагалось, все-таки личное жилье. Обязанности последнего пока тоже ложились на меня, в ближайшее время так уж точно.

К этому моменту за окнами совершенно стемнело, и я сама не заметила, в какой момент зажгла помпезную настольную лампу под шелковым абажуром с кистями.

– Да, войдите! – крикнула, откидываясь на спинку кресла и потирая шею.

– Доброго вечера, – кивнул мне, входя, Зарк. – Уютно тут. А книги так и должны?..

– Не надо о грустном, – поморщилась я, вновь заметив безобразие на полках, о котором успела забыть. – Давайте сделаем вид, что они стоят нормально.

– Не возражаю, – улыбнулся змей и вольготно устроился в кресле напротив. Улыбка у него, кстати, оказалась хорошей, обаятельной, даже жутковатые желтые глаза от нее как будто оживали. – Я прикинул расписание для наших, то есть опытных учеников. Пока на ближайший месяц. Держи.

– Спасибо! Уже легче.

– И вот еще список учебников, которые хотелось бы найти. На удивление много полезного оказалось в библиотеке, но не все. Есть шансы?

– Понятия не имею, – растерянно качнула я головой. – В нужном количестве – вряд ли, их ведь уничтожали, сам знаешь. Но попробовать стоит. Давай сейчас и надиктую, чтобы не потерялось, – приняла я переход на «ты».

Зарк с интересом наблюдал, как я зачитываю в кристалл список книг. Поскольку иоры создавались людьми, змеи во время войны остались без быстрой удобной связи, понятно, что сейчас для него это диковинка.

– Как дела у Кергала? – спросила я, закончив, потому что в кабинете повисла настороженная тишина.

– Аспис настроен оптимистично, хотя у парня, по-моему, серьезные проблемы, и его для начала нужно долго лечить. А почему ты у него не спросишь?

– Ты его здесь видишь? – Я насмешливо вскинула брови. – А разыскивать его я не хочу.

– Вы были знакомы раньше, да? – спросил наблюдательный змей. – На меня ты смотришь спокойно, а его испепелить готова, да и его я давно таким злым не видел. Странно, мне показалось, он очень хотел поехать.

– Сталкивались, да, – поморщилась я. – Так получилось, что выжили оба. Не волнуйся за своего друга, мстить ему я не собираюсь. Хотя бы потому, что попытка продолжить этот конфликт скажется в первую очередь на детях. А поехал... может, намеревался вывести злобную преспешницу Великого Змеелова на чистую воду, откуда мне знать! – нервно хмыкнула.

– За что мстить-то? – не удержался Зарк.

– Ни за что. Забудь. Лучше вот прочитай устав школы и скажи, может, чего не хватает?

Змей с готовностью подвинулся ближе к столу, а потом и

вовсе обошел его, перетащив кресло, и мы вдвоем склонились над бумагами.

Наедине, без постоянного давления общества Асписа, рядом с которым мне приходилось прилагать усилия, чтобы сдерживаться, найти с Зарком общий язык оказалось очень просто. Спокойный, ироничный, любознательный – я отлично понимала, почему с детьми отправили именно этого змея.

Наверное, никакой дружбы у нас не получится. Если копнуть поглубже, то всплывет много разного, особенно из моего прошлого, что непременно вызовет размолвку. Все же крови на моих руках предостаточно, и там точно есть соратники, знакомые или друзья этого взрослого и наверняка участвовавшего в столкновениях мужчины. Такое не забывается, и вряд ли такое можно простить. Но зато спокойно заниматься вместе одним общим важным делом мы точно сможем.

Засиделись в итоге глубоко за полночь, зато успели привести в нормальный вид устав. Если завтра, на свежую голову, этот документ не вызовет нареканий, можно будет хотя бы одно дело посчитать завершенным.

– Слушай, а ты вообще спать-то собираешься? – Зарк прищелкнул, глянув на наручные часы. – Мне кажется, вряд ли завтрашний день будет спокойней сегодняшнего.

– Надо бы. – Я с сомнением покосилась на начатый и незаконченный скелет расписания. Потом решила. – Да, ты прав, глупо сейчас засиживаться на всю ночь. Все равно за

сегодня не успею закончить, так что это подождет до завтра. Пойдем.

Выходя, я привычно набросила на дверь сторожевое закливание – раз уж присвоила этот кабинет, значит, следует оградить его от посторонних.

– Нори, а можно личный вопрос? – заговорил в этот момент Зарк.

– Не обещаю ответить, – пожала я плечами, и мы не спеша зашагали по пустому, тихому коридору. По мере нашего движения под потолком загорались неяркие огоньки и гасли за спиной.

– Как тебя занесло в орден Змееловов? Ты совсем молодая и не похожа на идейного фанатика.

Я неопределенно качнула головой, хмыкнула. Но все-таки ответила:

– Да у меня и выбора особого не было.

– То есть как?

– Всю мою семью убила зеленая гниль. Мне было тринадцать лет тогда, только-только проснулся дар. А потом я попала к змееловам. У них были отличные наставники, умеющие найти подход и убедить в чем угодно. Много ли нужно испуганному подростку, чтобы довериться? Это сейчас я стала взрослой и циничной и понимаю, что столь бережно и терпеливо ко мне отнеслись исключительно из-за силы дара, иначе просто прошли бы мимо. А тогда они казались воплощением Создателя, благородным и достойным подражания.

Все, пришли. Доброй ночи, – пожелала я, открывая дверь своей спальни.

– Доброй ночи, Нори. – Зарк выглядел задумчивым. – Значит, ты не ненавидишь всех змеев скопом?

– Ты же сам говорил, что я не похожа на фанатика.

– Ну мало ли, вдруг ты хорошо маскируешься? – улыбнулся Зарк.

– Если я маскируюсь, то вряд ли правдиво отвечу на этот вопрос, логично?

– Логично, – хмыкнул он. – До завтра.

Свет внутри загорелся сам, когда я шагнула через порог. А когда захлопнула дверь, над ладонью возник потрескивающий и плюющийся искрами комок силы: в комнате кто-то был, и этот кто-то сейчас шевелился на кровати.

– Чтоб вам... – устало вздохнула я, разглядев заспанные физиономии, и развеяла магию. Ругательство не договорила – не придумала приличный вариант. – Что вы здесь забыли, девочки?

– Ой, Нори, извини! – смущенно пробормотала Тори, потирая заспанную физиономию.

– Мы хотели тебя немного подождать, но случайно уснули, – обезоруживающе улыбнулась ее сестра, сладко потягиваясь.

– Зато дождались! – рассмеялась я. – Вы чего хотели-то?

– Поболтать, – развела руками Дори. – Мы соскучились!

– Я тоже. Но сейчас, по-моему, уже поздновато. Вы

помните, когда отбой? – уточнила насмешливо.

Девочки умудрились здорово ко мне привязаться, хотя вместе мы провели всего несколько дней, пока я сумела выкроить место и время для незаметного портала и пока помогала обустроиться. Свою роль наверняка сыграли обстоятельства знакомства, но я больше склонялась к мысли, что основная причина – их мать. Да и вообще вся очень странная, жутковатая семья.

Я хорошо помнила ту женщину: чопорная, строгая и очень эмоционально черствая особа. Даже меня, многое повидавшую, покорило хладнокровие, с которым она меня встретила. Женщина беспокоилась только о том, что девочки успели удрать и у нее из-за этого могут быть проблемы с законом. Муж у нее был таким же, да и остальные братья близняшек не отличались чуткостью. Складывалось впечатление, что девочек во всей семье любил только Мангир. Что он вообще единственный из них был способен на чувства! Приходящая кухарка – и та жалела близняшек больше родителей. Вот где были чудовища и выродки, а никак не змеи скопом...

Наверное, при этом не стоит удивляться, что случайная взрослая женщина, проявившая заботу и участие в такой ситуации, показалась им гораздо более родной. Мне поначалу было очень неловко, а потом... наверное, не так уж сильно я от них отличалась, если тоже успела за несколько дней привязаться к чужим почти взрослым детям. Мне был дорог

каждый из спасенных змеенышей, за каждого я беспокоилась, но с этими двумя мы, похоже, просто нашли друг друга. И я очень жалела, что не могла часто их навещать, – отлучки непременно заметили бы. Пару раз в год – самое большое, что я могла себе позволить.

– Ну мы же не знали, что ты так надолго задержишься!

– Пойдем, я провожу вас до комнаты, чтобы не потерялись, – махнула я рукой. – Расскажите, как вы тут устроились.

– Да что расскажешь за пару минут? – вздохнула Дори, подныривая мне под локоть, чтобы обнять.

– Извини, боюсь, на ближайшие несколько дней я недоступна, – второй рукой я обняла Тори, так мы и двинулись не спеша по коридору. – Если, конечно, ничего срочного не будет.

– Будет. Дори себе парня нашла, только он пока об этом не знает, – захихикала Торики.

– И что за парень?

– Он очень хороший, – заверила та, заметно оживившись. – Очень на Мара похож характером и красивый-ый! Баресом зовут, он из этих, новеньких...

Пока мы дошли до комнаты девочек, мне старательно расхваливали неведомого змея. Пришлось заочно благословить, тем более близняшки в кои-то веки сошлись в оценке. Даже интересно стало, кто это такой замечательный.

– Дори, только, пожалуйста, без глупостей и спешки, ладно?

– Не волнуйся, мы хоть и жили на болотах, но не совсем дикие, – покровительственно ответила она. – Инициатива должна исходить от мужчины! Но женщина должна дать понять, что инициативу можно проявлять.

– Где ты всего этого набралась? – засмеялась я.

– Что, скажешь, неправда?

– Нет, ну, теоретически... – протянула задумчиво. – Хотя я, если честно, тот еще специалист.

– Кстати, мы всегда хотели спросить, а почему ты не замужем? – Дорика заинтересованно заглянула мне в лицо. – Ты хорошая, красивая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.